

Российская Академия Наук
Институт философии

**НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ДУХА**

Москва
1995

ББК 15.56
Н 40

Ответственный редактор
кандидат философских наук *В.Б.Власова*
научно-вспомогательная работа выполнена
Кордюковой Т.Я.

Рецензенты:
канд. филос. наук *А.В.Куличенко*;
доктор филос. наук *Ю.В.Олейников*;

Н 40 **Невостребованные возможности русского
духа. - М., 1995. - 85 с.**

Центральная тема предлагаемого сборника статей - судьба традиционных ценностей российской интеллигенции в XX веке. При этом значительное внимание уделяется анализу специфики интеллигентского сознания накануне революции и исследованию причин и характера его эволюционных превращений в советский период. Авторы утверждают оптимистический взгляд на возможности возрождения русских мыслителей (Столыпина, Белого и др.), о перспективах развития русского духа, впервые вновь увидевшие свет после 1917 года. Сборник рассчитан как на специалистов-философов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей русской интеллигенции.

ISBN 5-201-01783-5

© ИФРАН, 1995

Размышления на заданную тему

Вместо предисловия

Невостребованные возможности русского духа - тема, которая в условиях радикального переосмысления экономического, политического, нравственного и другого опыта российской истории последних ста лет остро волнует специалистов-философов, практиков государственной и правовой деятельности, научную общественность и просто широкие массы читающей публики в нашей стране и за рубежом. Это происходит в первую очередь потому, что, окончательно уяснив для себя утопичность большевистских замыслов коренного переустройства общества и испытав на судьбе нескольких поколений злую логику бесплодных попыток здесь и теперь воплотить в жизнь коммунистические принципы производства и общения (не говоря уже о злоупотреблениях светлыми идеалами человечества в корыстных интересах властителей-временщиков), мы почувствовали неодолимую потребность оглянуться назад, к истокам предреволюционных альтернатив общекультурного выбора. Но в гораздо большей степени всеобщий интерес к указанной теме объясняется тем, что в подобном мысленном обращении вспять кроется множество проблем и теоретико-методологического, и современно-практического происхождения.

Значительное число этих проблем связано с тем, что не все в туманной дали прошлого видится отчетливо даже при хорошем теоретическом зрении. Во-первых, не всегда удается обозначить некоторые подспудные идейные превращения, которые, может быть, явились подлинными причинами того, а не иного хода событий на поверхности известных идеологических движений. Во-вторых, вследствие наблюдаемого в настоящий момент кризиса традиции духовного развития нации, весьма размытым воспринимается целый ряд тонкостей реальной интеллектуальной атмосферы на стыке XIX-XX вв. В-третьих, невероятно сложно расставить аксиологические акценты в исследуемой ментальной структуре, если нам хочется, чтобы они были адекватными давно изжитой актуальности бытия и сознания.

Наконец, может возникнуть сомнение, нужна ли вообще упомянутая адекватность, искомая лишь в целях, так сказать, следственного эксперимента, без которого не осуществимы ни покаянное усвоение уроков истории, ни ее справедливый суд. Или, наоборот, отказавшись от исторических поучений, необходимо сосредоточиться исключительно на сиюминутной актуализации тех или иных исторических данных применительно к утилитарной мотивации их нового прочтения? Последнее, правда, чаще всего оказывается на поверку не столько поиском ориентированной будущим практической истины, сколько установкой на воссоздание прагматически приспособленных к нашему времени архаических ценностей, в том числе и анархических конструкций¹.

Такое противостояние модернистских и постмодернистских по своей теоретической сущности позиций в процессе выбора форм дальнейшего социального существования в стране, где, несмотря на две зафиксированные в ее истории попытки², до сих пор не пройден еще до конца путь социальной модернизации (причем не только в том узком, западно-европейском значении, которое вкладывал в это понятие Макс Вебер³, но и в самом расширительном, обыденном его толковании, подразумевающим любой способ восхождения на современный уровень мировой цивилизации), такое, мягко говоря, различие точек зрения по этому вопросу создает особые трудности его решения. А потому не может быть однозначного подхода к определению нашей будущей

¹ Чтобы убедиться в правомерности приведенного суждения, стоит обратить внимание на все усиливающиеся с каждым днем призывы православной (а в равной степени и мусульманской) церкви к преобразованию ее в государственную структуру, вообще в фундамент общественной жизни, к соединению школьного обучения с обязательным религиозным воспитанием и т.д. Достаточно также беглого ознакомления с программными лозунгами пресловутого общества "Память" и родственных ему по духу национал-фашистских и прокоммунистических организаций, чтобы понять, что так называемые новые идеи в действительности могут быть всего лишь хорошо (а иногда и плохо) забытыми старыми.

² Имеются в виду эпоха петровских инноваций в конце XVII - начале XVIII в. и пореформенная обстановка в России два столетия спустя.

³ По М.Веберу, модернизация есть прежде всего отказ от традиционалистских форм общественной жизни в качестве определяющих ее начал, что приводит к постепенной институционализации рационально-целевого хозяйственного и управленческого действия, структура которого становится кристаллизующим центром секуляризации западной культуры Нового времени во всех ее отраслях (см.: *Weber V. Wirtschaft und Gesellschaft*. Köln-Berlin, 1964. Bd. 1, 2; *его же*. Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990 и другие работы этого автора).

исторической судьбы, способов восстановления прерванных (или извращенных) культурных традиций, утраченного в разных слоях общества своеобразного российского менталитета, возрождения былой глубины и мощи отечественной философской мысли.

Другая часть проблем, встающих при обсуждении темы невострбованных возможностей русского духа и делающих ее чрезвычайно важной как раз в наши дни, касается рассмотрения следствий революционных катаклизмов семнадцатого года, приведших в конце концов к физическому уничтожению или духовной деградации едва ли не всего образованного класса в советском обществе. Осевой вопрос в этом проблемном блоке можно сформулировать примерно так: была ли оборвана традиция российской культуры утверждением псевдосоциалистического строя с его тоталитарным режимом? Или, говоря точнее, в каком смысле и в каких пределах следует соглашаться (либо не соглашаться) с наличием такого обрыва?

Статьи, помещенные в предлагаемом издании, так или иначе соотносятся со стремлением ответить на этот вопрос. Фактически, хотя и не в столь жестком виде, он стоит в центре всех рассуждений, составляющих их содержание. Даже в тех случаях, когда авторы не являются нашими современниками⁴, а потому не могут судить о конкретном состоянии дел в конце текущего века, весь их пафос сводится к серьезным предупреждениям, опасениям, культурно-историческим предвидениям, построенным на оправдании (или осуждении) духовных ценностей русской интеллигенции накануне октябрьского переворота, а следовательно, к заботе о сохранении пресмысленности всего лучшего, что явил миру российский гений на протяжении нескольких столетий.

Теоретические выкладки современных участников настоящего труда тоже не во всем единообразны вплоть до расхождения мотивационных посылок их исследования и использованных в нем методологических ракурсов. И хотя прямая полемика между представленными взглядами не входила в намерения авторского коллектива, тем не менее, сохраняется некий дискуссионный фон их размышлений об одних и тех же предметах как основной стимул к поиску истины. И пусть не покажется это нескромным, но в том, может быть, и состоит главное, по убеждению создателей данного сборника, его достоинство, что запечатленный на его страницах материал призывает еще раз задуматься

⁴ См.: Приложение к настоящему изданию.

над переоценкой нашего духовного наследия и в какой-то мере позволяет читателю проследить, как, где и почему рождается сама опасность перерыва традиции интеллектуального и нравственного бытия россиян (и в частности ее философских корней).

Одной из характернейших черт этой традиции был разно-сторонний, подчас взаимоисключающий способ решения сходных теоретических или духовно-практических задач, что укоренило, в конечном счете, приоритет дискуссионных средств развития любых форм социального знания. Желая внести не только теоретическую, но и практическую лепту в возрождение русского духа, мы предлагаем читателю поспорить с изложенными мнениями об оптимальных способах обновления духовной традиции нашего народа и, по крайней мере, стремимся помочь ему выработать об этом свое собственное представление. Чтобы облегчить эту работу, а более всего в виду приобщения российской публики к возможно большему количеству первоисточников, так долго отчужденных от тех, кому они были интересны, замками спецхранов, современные статьи завершаются специальным приложением, знакомящим с оригинальными, однако, мало известными, не публиковавшимися в советский период откликами отечественных мыслителей на обсуждение интересующих нас проблем в книге "Вехи"⁵.

Напечатанный в свое время в журнале "Общественные науки и современность" доклад профессора Нотр-Дамского университета (США) А.Валицкого к Международной конференции "Будущее Советского Союза - возможности перемен" (Женева, 13-18 августа 1985 г.), выдвигает вполне обоснованное предположение о двух тенденциях отношения современного обществознания к интеллектуальному наследию дореволюционной России. Одна из них, с которой, между прочим, прерывает А.Солженицын, отвергает какую-либо связь между русской интеллектуальной традицией и советским тоталитаризмом⁶. Другая, с которой согласен сам цитируемый автор, не отрицая в принципе существования такой связи, все же стремится "отыскать в русском интеллектуальном наследии такие элементы, которые не могут рассматриваться как открывающие путь тоталитаризму, которые по самой сути несовместимы с духом советизации и, таким образом, могут быть субъективно приемлемыми для тех, кто не хочет отступать от надежд на полити-

⁵ См.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

⁶ См.: Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1991. N 1. С. 147.

ческое и культурное возрождение России"⁷. В свете такого сопоставления можно, собственно, глубже понять и реализованные в тексте данного сборника трактовки проблемы, вынесенной в его заглавие.

Несмотря на творческую самостоятельность каждого из предложенных здесь вариантов понимания сущности и роли русской интеллигенции в дооктябрьскую эпоху, а также, невзирая на различия в характеристике доминирующих элементов ее традиционных ценностей, есть нечто общее в работах, написанных сегодня. И как раз это общее роднит их с позициями современников покаянной книги русской интеллигенции, диаметрально противоположными, однако, друг другу в оценке "веховской" самокритики - А.Белого и П.Столыпина на одном полюсе и К.Арсеньева и И.Игнатова на другом.

Этой объединяющей все материалы нашего нынешнего издания идеей является представление о том, что ядро возрождения русского духа, его плодотворного развития в будущем, стержень спасения русской духовности от кризиса (как на заре XX века, так и при его закате) и в то же время важнейшая из до сих пор так и не востребованных возможностей стей российской ментальности заключается прежде всего в становлении и последующем совершенствовании правового сознания каждой отдельной личности, равно как и всей русской общественности; в углублении правового самосознания общества и организации его легальной правозащиты. Ибо без таких предпосылок абсолютно неосуществим выход России к цивилизованным нормам функционирования и наследования всей ее культуры, а в этих рамках, само собой разумеется, и собственно духовного развития нашего народа. Это доказано семидесятилетней историей советского государства, строившегося на принципах революционного чувства, а не на правовом фундаменте. Это продолжает доказывать каждый день истории нашей перестройки и так называемого постперестроечного периода.

Какими же средствами можно было бы в нынешних условиях ликвидировать сохранившийся до сего дня пробел в отечественном общественном сознании, пережившем коммунистическое бесправие и вышедшем из этого испытания окончательно (но, хочется надеяться, не бесповоротно) изуродованным? Этот вопрос скрыто или явно беспокоит современные поколения нашей интеллигенции - от убежденных седидами "шестидесятников" до только что севших на студенческую скамью юношей и деву-

⁷ Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России. С. 148.

шек. Естественно, что этим вопросом задаются и авторы предложенных статей. И ответ на него достаточно очевиден для тех, кто учитывает горький опыт пренебрежения "веховской" самокритикой интеллигентского сознания в предреволюционные годы, то есть в один из самых решающих моментов выбора в текущем столетии.

Он сводится к тому, что необходима (и неизбежна, если мы стремимся сохраниться как самостоятельный субъект культурной деятельности) всесторонняя деидеологизация философского и общественно-научного мышления, духовной жизни общества в целом, а в итоге - всякой творческой деятельности как таковой. Это отнюдь не означает отказа от ценностной ориентации вообще. Более того, любое культурное деяние имеет своим предназначением в первую очередь создание определенных человеческих ценностей, придающих смысл нашему повседневному существованию. Но такие ценностные ориентиры - при всем разнообразии их формы - должны быть общечеловеческими по своему содержанию, поскольку они призваны объединять людей в лоне гуманистических характеристик бытия, а не разъединять их социальными, партийными, конфессиональными, национальными и т.п. перегородками.

Серьезные усилия по деидеологизации общественного сознания на самом деле, как бы неожиданно это ни выглядело, уже были предприняты - и как раз в самые глухие годы "строительства социалистической культуры". Речь идет не столько об известных правозащитниках 60-80-х годов (хотя эта тема по своему значению заслуживает специального подробного рассмотрения), сколько о еще мало изученной с интересующей нас точки зрения деятельности так называемых "китежан", то есть русских интеллигентов, которые в период трагического замещения традиций философской, художественной и т.д. культуры тотальной политизацией умов устранились от публичных творческих занятий в рамках советской системы и продолжали творить, рискуя внешней свободой, а иногда и жизнью, в сталинских концлагерях (В.Шаламов), в "самиздате" (Абрам Терц) или просто писали "в стол", но зато не изменили ни своему таланту, ни своей внутренней свободе⁸. Продуктами их работы были статьи Якова Голосов-

⁸ Термин "китежане" принадлежит В Турбину, которому российская культура после Октября видится в образе легендарного града Китежа, опустившегося на дно озера, не имея возможности победить своих врагов, и ждущего с тех пор своего часа, чтобы всплыть. Автор этого сравнения сам может быть причислен к этому гордому племени, ибо, по его определению, "Китеж - это не подполье, не конспирация... Китеж как раз и кончается там, где начина-

кера и книги Михаила Бахтина, романы А.Платонова, Б.Пастернака, М.Булгакова, дневники М.Пришвина, стихи А.Ахматовой и И.Бродского, труды многих и многих людей, имена которых, может быть, не все пока нам известны.

Эти люди не просто продолжали интеллигентскую практику. Их особенность заключалась в том, что в своем "невидимом граде Китеже" они не нуждались ни в эзоповском языке, ни, тем более, в официальном новоязе, которые, безусловно, требовались тому, кто ценой больших или меньших жертв стремился попасть на страницы "партийной" печати, на подмостки государственной сцены, на экраны кинотеатров или на голубой экран, на стенды прославляющих коммунизм и его вождей вернисажей. "Китежане" строили объективно противостоящую официозу науку, философию, искусство. Для этого требовались специфические культурные предпосылки, которые помогли бы ассимилировать изменившиеся условия самого существования российского менталитета и сохранить таким образом преемственность его характеристик. В подобной роли выступали новый, свободный язык и строй творческого мышления; новые, оригинальные выразительные средства и новая, не скованная никакими "измами" логика индивидуальной мысли.

Одним словом, необходима была новая структура всего мира духовных ценностей общества, которая существовала бы рядом с государственной идеологией, но, в отличие от различного рода эзоповских структур, была бы абсолютно независимой от нее. И такая структура была создана именно "китежанами"⁹. Тем самым, побуждаемые в эпоху безвременья и массового приспособленчества чувством уникальной социальной ответственности перед угрозой гибели отечественной культуры, они проявили жертвенность и духовное подвижничество, свойственные лучшим представителям дореволюционной российской интеллигенции, и по сути дела продолжили ее традиции, сохранили и развили богатейшие возможности русского духа, не востребованные, однако, в свое время официальной советской культурой.

ется организация, планомерность, борьба за внешнюю власть. Китеж там, где теплится творчество..." "И на стогнах его спаслись многие - ныне целая культура всплывает" (*Турбин В.* Китежане. Из записок русского интеллигента // Погружение в трясину. М., 1991. С. 365, 370).

⁹ Жанр проблемного введения не позволяет развернуть подробно содержательные характеристики указанных новаций, которые, своеобразно истолковывая дореволюционную традицию русской духовности, позволяли сохранить самую преемственность с ней.

Отказавшись от политической односторонности (неважно, левого или правого толка), эти восприемники "веховского" завета создали новый, то есть совершенно иной по сравнению с предшествующими поколениями интеллигентский стиль, который на поздней, современной основе возвратился к высоким образцам аристократической русской духовности, восходящей к началу XIX века и даже к более ранним временам. Так был сохранен для сегодняшних россиян (а стало быть, и для всего мирового сообщества) светоч подлинной интеллектуальной культуры, который они бережно принимают в свои руки, хотя многие из тех, кто его сберег, уже в списках живых не значатся. Собственно, в этой важной миссии российской послеоктябрьской интеллигенции таится, возможно, разгадка знаменитого булгаковского восклицания "Рукописи не горят!" О ней перед лицом опасности нашествия большевистских "грядущих гуннов" пророчествовал в начале века Валерий Брюсов:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры¹⁰.

Однако для выполнения такой миссии годились только гиганты духа, нашедшие в себе мужество принять отшельническую аскезу мышления и достаточный интеллектуальный и эмоциональный потенциал для свободного творчества в несвободных условиях. Многие из тех, кто обладал этими качествами, погибли в чекистских застенках, были изгнаны за пределы родины, "сгорели" в неравной борьбе с объективными обстоятельствами жизни и творчества. И это была огромная катастрофа с точки зрения возможностей развития российской духовности, с точки зрения необходимости сохранения "генетического фонда" носителей русской культурной традиции.

Но это не единственная трагедия, которую пережил наш народ и прежде всего его интеллигенция в течение сменявших друг друга десятилетий XX века. Может быть, еще страшнее, и уж во всяком случае, бесчеловечнее оказалась другая ипостась нашей судьбы, которую, однако, определила именно традиционная установка интеллигентского сознания, победившая в России вместе с большевистской революцией. Э. а установка состояла не только в

¹⁰ Брюсов В.Я. Грядущие гунны // Русские поэты "серебряного века". Л., 1991. Т. I. С. 120.

противоположном описанному выше стремлении сохранить социально-политические пристрастия как существенный элемент содержания творческого труда образованного класса. Самым главным ее изъяном, пороком, можно сказать, смертным грехом было требование представить идеологические рамки единственным критерием нравственной жизни общества. Тем самым последняя теряла свой абсолютный статус, без которого она, как выяснилось к настоящему моменту, вообще лишается собственно человеческого смысла.

Тенденциозное, специфически-партийное воспитание и образование в советской стране, начиная с детских садов и кончая вузами и академиями, стало одним из важнейших средств насилия над личностью - тем более действенным и страшным, чем менее оно осознавалось как таковое пассивной (а иногда и активной) стороной. В результате такого идеологического насилия над массой людей, которые стали как бы живой иллюстрацией антиутопий Хаксли и Оруэлла, возникла своеобразная, неправдоподобная для нормального цивилизованного человека социальная реальность - так называемое общество зрелого социализма, в котором сознание людей стало выродившимся, вывихнутым. Об этом фантастическом по форме, но реальном по содержанию, об этом гротескном, заидеологизированном мире очень точно сказал Андрей Платонов еще в начале 30-х годов. "Новый мир, - писал он в своих записных книжках, - реально существует, поскольку есть поколение искренне думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане оживленного плаката"¹¹.

Это смягчающее обстоятельство следует учитывать, когда мы берем судить поколения наших отцов и дедов, строивших Диспрогэс и Магнитку, выигравших войну с германским фашизмом и освоивших целину. Это были в массе своей люди искренние, которые много сделали и многим пожертвовали для того, чтобы Россия поднялась из азиатской отсталости, но которые трагически навредили своему отечеству, сами того не подозревая. И такого же отношения заслуживает интеллигенция 30-40-х годов, творчество которой еще не было (или отнюдь не всегда было) компромиссом с властями и обстоятельствами. Оно было одухотворено искренней верой в чистоту и силу коммунистических идей. И потому нельзя отказывать в праве на признание советской науке, литературе, искусству, развивавшимся в это время. Но это, если можно так выразиться,

¹¹ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. 1927-1950 // Югославия. 1989. № 33. С. 14.

всего лишь условное признание, потому что оно касается не универсального (каковым оно должно быть по своей сути), а ограниченного, одностороннего творчества, в котором в лучшем случае преобладает "образованское", пересфразируя А.Солженицына, начало.

Характернейшей чертой сознания и подобных "творцов", и миллионов простых советских интеллигентов - инженеров, врачей, учителей и т.д. - была в более позднее время его двойственность. Открытие этого феномена принадлежит одному из безусловных "китежан"-диссидентов Владимиру Кормеру¹². В опубликованной только в 1989 году, то есть спустя двадцать лет после ее написания и три года после его смерти статье "Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура", посвященной шестидесятилетней годовщине выхода в свет сборника "Вехи", он ставит своей задачей (вполне в традициях русской духовности) снова подвергнуть самокритическому анализу российское интеллигентское сознание, проследить его судьбу, предсказанную "веховцами" в начале столетия. И так же, как в "Вехах", это не простая самокритика. Это покаянный стон души, это вопрос в будущее, это призыв заглянуть в себя, это опять-таки пророчество. "Что изобретет русская интеллигенция? - заканчивается вопросом статья. - Будет ли это новый русский мессианизм по типу национал-социалистического германского, восторжествует ли технократия, или дано нам будет увидеть новую внешку ортодоксального сталинского коммунизма? Но чем бы это ни было, крушение его будет страшно. Ибо сказано уже давно: "Невозможно не придти к соблазнам, но горе тому, чрез кого они приходят..."¹³

Кормер с самого начала отмечает, что советская интеллигенция 60-х годов (в отличие от прежней русской) буржуазна. Она стремится к обеспеченности и страдает не от сытой жизни, как в начале века, а скорее, от нарушения спокойствия. Интеллигент не является больше экстремистом, преданным одной, но пламенной страсти - свободе. Он хочет быть "гармоничным" и "всесторонним". Его волнует не чужое страдание, а эстетическое наслаждение культурой. И такому перерождению философ находит оправдание: советский интеллигент "беднее последней собаки", он унижен так, как никто другой в обществе, а потому - в отличие от русской интеллигенции в прошлом веке - он не стра-

¹² Работы В.Ф.Кормера были известны в рукописях, повесть "Крот истории" была напечатана во Франции, а большинство его произведений, в том числе и ряд философских статей, при его жизни так и не увидели свет.

¹³ Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопр. философии. 1989. N 9. С. 79.

даст комплексом вины перед народом. Наоборот, народ больше виноват перед ним. Второй чертой переродившейся к середине нашего столетия интеллигенции Кормер считает "обращенную религиозность". Он больше не атеист-фанатик, но ей не приходится им быть, так как притеснения религии со стороны советской власти как бы сняли эту проблему - ей не с кем спорить, некого опровергать. Она индифферентна в вопросах веры¹⁴. Но есть, по его мнению, у советской интеллигенции и такое качество, которое не только сохранилось с прежних времен, но даже приобрело более резкое звучание. И это дает возможность говорить о сохранении преемственности с российской интеллигенцией времен Бердяева и Франка, Кистяковского и Гершензона. Ибо, как и столетие назад, русский интеллигент фактически отчужден от своего народа¹⁵.

Правда, следует отметить один парадоксальный факт, на котором заостряется внимание в рассматриваемой работе. Речь идет о том, что советская идеология - детище советской интеллигенции. Ведь именно последняя выступила наследницей революционных преобразований и обожествилась "трудящиеся массы" в противоположность мыслящей совести народа. Так что в какой-то мере она сама повинна в том, что по-прежнему остается изгоем. Причем эта вина усугубляется еще и известной покорностью рядовых ее представителей перед властями и сложившимися обстоятельствами, которая, как подчеркивает Кормер, объясняется не только и даже не столько террором (эта опасность существовала и прежде, но до революции никого не пугала), сколько тем, что не с чем было выступить против.

Советская интеллигенция попала на приманку социалистических идеалов и до сих пор обезоружена этим духовно. Мы остаемся в том же заколдованном кругу - между капитализмом и социализмом - и нам нечего предложить такого, что бы действительно было новым и результативным, и в то же время могло увлечь за собой людей. Об этом свидетельствуют даже послереволюционные попытки пришедших к власти демократов (большинство которых вербуются из среды интеллигенции) выйти из кризиса, в котором оказалась сегодня страна. И дело не в том, что новая интеллигенция недостаточно умна или плохо образованна, хотя силовик и рядом встречается и такое. Нерешен-

14 Сегодня эта ситуация еще больше сдвигается в сторону от атеизма. Интеллигенту "приличнее" быть религиозным человеком, чем безбожником.

15 Единение интеллигенции с народом, подобное энтузиазму защитников Белого дома в августе 1991 года, всегда бывало в русской истории исключением и продолжает оставаться таковым до сих пор.

тельность и малая способность к конструктивным поискам, стимулированные полувековой спячкой, приспособленчеством и наказуемостью инициативы в прошлом, рождают и у многих нынешних интеллигентов (особенно в провинции) эффект двойного сознания, зафиксированный В.Кормером еще более 20 лет назад: интеллигенция не принимает власти, отталкивается от нее и в то же время сотрудничает с ней, питает ее и питается от нее.

Эта пустившая крепкие корни в нашем сознании двойственность принесла свои дьявольские плоды. Самая страшная из трагедий России - это трагедия долголетнего и добровольного отказа от свободы. Несмотря на гласность, демократию, несмотря на внешнюю свободу, очень многие интеллигентные люди, развращенные предшествующими десятилетиями рабства целого образованного класса у необходимости, не выносят и сейчас подлинной, внутренней свободы, то есть свободы собственного, интеллигентного, а значит, нравственного (с точки зрения Добра как абсолюта) выбора. И наша самая глубокая потребность момента - очиститься, вернуться к истокам, к невостробованным и потону неиспользованным возможностям русской духовности.

В заключение хочется сказать, что перед нашей интеллигенцией вырастают сегодня и другие проблемы. Во-первых, это проблема искуса властью, а не только свободой. И не поддаться этому искусу, устоять против него не менее трудно, чем вынести борьбу и гонения, выпавшие на долю предшествующих поколений. Для этого нужны устойчивые нравственные традиции, которые существовали у русской интеллигенции в ее исторической молодости и которые мы должны восстановить во что бы то ни стало, если хотим остаться в теле мировой культуры, а не быть снова отторгнутыми ею, как семьдесят с лишним лет назад.

Во-вторых, это проблема компетентности властьпридержащих, которая вырастает из того обстоятельства, что гуманитарное образование в советской системе было в значительной мере ущербным прежде всего с точки зрения овладения современными демократическими принципами общественного управления. В результате в настоящее время достаточно сомнительной выглядит способность наших властей - как в центре, так и на местах - найти оптимальные пути выхода из экономической (и в первую очередь финансовой) нестабильности общества; создать гарантии правовой защищенности российских граждан; нормализовать криминогенную обстановку в стране и т.д. и т.д.

Сегодняшняя духовно-практическая ситуация во многом близка к ситуации начала века с поправкой на разницу между

русской интеллигенцией и российской "образованщиной". По крайней мере, мы снова, как и тогда, стоим перед ответственным выбором: открыть ли вместе с третьим тысячелетием счет новой эры - эры российского процветания, в том числе и процветания российской духовной культуры, или, откатываясь постепенно назад, снова свалиться в болото тоталитаризма, обрекающего народ на рабство духа, на забвение великих и славных традиций и на беспомощность в практических делах. Предлагаемый читателю сборник приглашает вместе с его авторами еще раз обратиться к несколько отдаленным во времени, однако, столь близким нам содержательно, спорам прежних поколений, пристально взглянуть в существовавшие тогда, как и теперь, духовные альтернативы и соотнести их с реальными перспективами сегодняшнего дня, чтобы не повторить вновь исторических ошибок.

*Л.И.Новикова
И.Н.Сиземская*

"Вехи" как опыт самоопределения русской интеллигенции*

Обвал социалистической системы ценностей, сложившихся на основе марксистской идеологии, функционировавшей в нашей стране в течение 70 лет, породил духовно-идеологический хаос. Подорванной оказалась институционализируемая система "Власть-Интеллигенция-Народ", в рамках которой образованному классу вменялось "внедрять" в массы сознательность, а с ней идеологическую направленность всего образа мыслей. Интеллигенции, таким образом, отводилась сугубо служебная роль наемного работника. Вопрос о ее особом статусе как субъекте духовного производства, о ее способности к творческой инициативе не стоял, а если и поднимался, то квалифицировался как крамола. Но что бы мы теперь ни инкриминировали социалистической системе ценностей и механизмам ее воспроизводства, она так или иначе служила (наряду с политическим тоталитаризмом и государственной экономикой) одним из столпов существующего порядка, крушение которого лишило интеллигенцию прежнего смысла существования. Это относится и к той ее части, которая упорно сохраняет верность социалистическим идеям, и к бывшим диссидентам, видевшим смысл своего существования в борьбе с системой, и к интеллигенции, прельщенной перспективой перестройки, в которой она первоначально не без основания видела свою роль инициатора и мозгового центра, но по мере выяснения фактического положения дел впала в апатию, утратив еще одну иллюзию.

Духовный кризис ставит интеллигенцию перед необходимостью осознания ею своего особого социального статуса и только на этой основе творческого участия в возрождении России. Конечно, такое самоопределение не беспредельно, над ним довлеет традиция, в том числе и наиболее близкая, советская, которая также не может быть сброшена со счета и предполагает наряду с критическим отношением сознательную ассимиляцию тех ее элементов, которые наиболее созвучны открывающимся пер-

* Программа финансируется Международным фондом "Культурная инициатива".

спективам развития общества. При этом традиции русской культуры представлены не только антитезой революционно-демократической и реакционно-охранительной идеологии, как до недавнего времени было принято считать, но включают и не вписывающийся в эту схему диалог западничества и славянофильства, почвенничества и либерализма. Наконец, существенной для русской культуры является отмеченная А.Валицким традиция², оформившаяся в начале века в христианский персонализм, позволяющий преодолеть догматы отечественного тоталитарного мышления и одновременно выступающий в оппозиции к рационализму и утилитаризму западноевропейской культуры. В своем самоопределении интеллигенция стоит перед выбором направления культурной традиции, что требует не только оценки, но и переоценки собственных ценностных ориентаций. Эта субъективная сторона решения проблемы оказывается сегодня самой трудной.

Русская интеллигенция не раз переживала кризис духа и с честью выходила из него. Достаточно указать хотя бы на время последекабристской николаевской реакции, на спор между западниками и славянофилами, на хождение интеллигенции "в народ" и жертвенность народовольцев, на открытый протест Л.Толстого и Вл.Соловьева против идеологии и политики официальной народности. Но, пожалуй, самым поучительным для почтения современной ситуации является опыт самоопределения, предпринятый в 1909 г. группой русской интеллигенции, осмелившейся в условиях реакции, наступившей после поражения первой русской революции, открыто заявить в программном сборнике "Вехи" о необходимости переоценки ценностей.

Вызвав большую волну полемики, сборник, однако, не был по достоинству оценен современниками. В нем увидели разрыв с признанной интеллигентской традицией и вызов общественному мнению. В то время русская интеллигенция в большинстве своем не смогла преодолеть инертность мышления, не поняла и не приняла отношения веховцев к революции, власти, народу. Их призыв к служению истине, к возрождению духовности, безотнормительной к сиюминутным требованиям дня, не был услышан современниками. Но предпринятые ими попытки самоопределения оказались созвучными сегодняшним исканиям постсоциалистической интеллигенции, о чем свидетельствует пять массовых изданий книги в течение двух лет (1990-1991 гг.) и множество посвященных ей публикаций. Заметим, что опыт веховцев

² См.: Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1991. N 1.

приобретает значение попытки восстановления традиции, которая, несмотря на всю ее значимость, требует критического прочтения "Вех" в свете современного опыта. Один из вариантов такого прочтения предлагается в статье.

Русская интеллигенция, по мнению Н.А.Бердяева, всегда "умудрялась даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер"³. Вот почему начатый в "Вехах" разговор выходил за рамки политического спора - об отношении интеллигенции к революции - а превратился в философский анализ о месте и роли интеллигенции как субъекте и носителе духовности в общественной жизни и историческом процессе в целом⁴. В условиях политического кризиса авторы "Вех" отважились утверждать, что главная задача интеллигенции не политическая (и не идеологическая), а духовно-творческая, а значит и реформаторская. Тем самым они закладывали новые вехи интеллигентского самосознания, возводили обсуждение проблемы "власть-интеллигенция-народ" на уровень философской рефлексии.

Сборник актуализировал извечные философские вопросы - об исторической необходимости и человеческой свободе, о насилии и его роли в общественной жизни, о личности и общественности как условии и границе ее самореализации, о религиозных основах культуры и пр. Само поражение революции 1905 года, ставшее непосредственным поводом спора, предлагалось рассматривать как проблему культурно-философскую. "Вехи" выступили против тех, кто подменил тезис об объективности исторического процесса волюнтаристскими устремлениями и пророчествами о скорейшем наступлении социализма, о возможности фантастического скачка "из царства необходимости в царство свободы". Примечательно замечание П.Б.Струве, который писал, что суть дела "не в том, как революцию делали, а в том, что ее вообще делали"⁵. Отвечая на критику этого тезиса, он подчеркивал, что смысл его утверждения связан именно с понятием "делание", выражающим для него неоправданное вмешательство в истори-

³ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. Здесь и далее ссылки на "Вехи" даются по 2-му изданию (М., 1909), репринтное воспроизведение которого было сделано в 1990 году.

⁴ Позже С.Л.Франк, сожалея, что общественное мнение восприняло прежде всего политическую сторону дела, подчеркивал, что последняя была для авторов "хотя и существенной, но все же производной от более основной... задачи - пересмотра самих духовных основ господствующего мировоззрения" (Франк С.Л. Биография П.Б.Струве. Нью-Йорк. 1956. С. 84).

⁵ См.: Струве П.Б. Patriotica. Спб., 1910. С. 240.

ческий процесс с целью его ускорения, при этом специфическим способом - "революционным взвинчиванием рабочего класса", провоцирующим государство на террор⁶.

Отстаивая целесообразность широких социальных реформ, отвечающих объективным требованиям, тенденциям исторического процесса, авторы "Вех", несмотря на мотивационные различия, определившие их расхождение в отношении к революции, сходились в одном - в признании невозможности социалистического переворота в стране со столь низким уровнем развития производительных сил и гражданского общества. Социальным ("внешним") преобразованиям, по их мнению, должна предшествовать глубокая работа по духовной реформации общества. Социально-философская концепция сборника опиралась на понимание человеческой свободы как в первую очередь свободы духовной, на приоритет внутренней жизни личности по отношению к внешним политическим формам жизни общественной.

В контексте этой концепции были рассмотрены все затронутые в сборнике вопросы, в том числе и вопрос о роли интеллигенции в жизни общества, в связи с чем и была предпринята попытка критики интеллигентского сознания, о которой пойдет речь ниже. Отметим только, предваряя этот разговор, один существенный, на наш взгляд, момент: эта критика была самокритикой, "потому что люди, написавшие "Вехи", кость от кости и плоть от плоти той же интеллигенции, так страшно поруганной ими"⁷. Призыв к покаянию звучал не от судьбы, к нему призывали сами "грешники". "Вехи" стали своеобразным знаменем времени, в котором большинство, к сожалению, усмотрело лишь симптом кризиса и ренегатства части интеллигенции перед лицом реакции. Только немногие, солидаризируясь с авторами "Вех", увидели в книге свидетельство смены старой интеллигентской идеологии, старого самосознания, подчиненного утилитарно-политическому императиву, и зарождения нового, свободного самосознания. Время подтвердило правоту последних.

Интеллигенция рассматривалась веховцами прежде всего как элемент социальной структуры, т.е. определенная общественная группа, хотя и внесклассовая, внесословная, что отделяло ее от различных религиозных групп. При этом она мыслилась в качестве носителя определенного типа сознания, характеризующегося открытой и активной направленностью в защиту интересов народа. Образно говоря, интеллигенция претендовала на статус

6 См.: Струве П.Б. *Patriotica*. С. 242.

7 См.: Утро. Харьков. 1909. N 736.

"органа народного сознания". Обе эти характеристики связывались с тем фактом, что интеллигентское сознание на протяжении всей его истории, истоки которой уходят ко времени петровских реформ, было частью культуры общества, т.е. "среды, данной историей для работы мысли" (П.Лавров). Правда, интеллектуальное творчество расценивалось как необходимая, но недостаточная "составляющая" интеллигентского сознания: не только неприятие социального зла, но и активное служение прогрессу, высшим критерием которого мыслилось нравственное и духовное развитие личности, - вот что составляло его сущностную характеристику.

Иными словами, интеллигенция - это не просто (и даже не обязательно) образованная часть общества; в первую очередь это - "критически мыслящая" его часть, противостоящая по направленности своих мыслей и действий как деспотизму властей, так и приспособленчеству "мещанства". Вот "классическое" в этом смысле определение: "Интеллигенция есть этически - антимещанская, социологически - внесловная, пресметвенная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности"⁸. С одной стороны, историческое значение русской интеллигенции обусловлено традиционным для нее отношением к государству - и в его идее, и в реальном воплощении - как к источнику социального зла. С другой стороны, сострадание к народу, его защита и освобождение было смыслом и оправданием существования русской интеллигенции. Этим обстоятельством, кстати говоря, объяснялась особая восприимчивость русской интеллигенции к идеям социализма, хотя были и другие причины: благодаря особым социально-экономическим условиям развития России здесь к началу века так и не сформировалось "третье" сословие.

Так или иначе, социалистические идеи в XIX веке составляли одну из отличительных черт российской общественной жизни и мысли. Более того, как были склонны считать авторы "Вех", до распространения идей социализма в России интеллигенции в России не было, был только образованный класс и разные в нем "направления". Заметим в скобках, что в силу тех же причин развитие социалистических идей в России происходило как бы "минуя", оставляя в стороне, идеологию либерализма, за которой прочно закрепилась характеристика "мещанства". Не

⁸ *Иванов-Ризумник. История русской общественной мысли. Спб., 1914. Т. 1. С. 12.*

имея достаточно оппонентов, социалистическая идеология приобрела черты самоуверенности и сектантства.

Свидетельствует ли сказанное о том, что интеллигенция, какой она сложилась в нашей стране, есть специфическое русское явление? Таким вопросом не раз задавались и зарубежные исследователи. Не случайно понятие "интеллигенция" в европейские языки вошло как русскоязычное слово наряду с близким ему по смыслу понятием "интеллектуал", означающим по преимуществу работника умственного труда. Однако однозначного ответа на этот вопрос, думается, дать нельзя. Не пытались дать его и авторы "Вех". Среди них не было единства в определении "границ" исходного понятия и исторических истоков самого феномена. Впрочем, такая задача и не ставилась, поскольку цель была иная - дать характеристику интеллигентского мирозерцания, каким оно оформилось к началу XX века, и обозначить пути его реформации.

А к этому времени интеллигенция, в том ее понимании, которое было изложено выше, реально сформировалась как "кружковая" и в своем дальнейшем развитии в условиях конспирации все более, по словам Н.А.Бердяева, принимала облик "монашеского ордена или религиозной секты", пополняющейся "отщепенцами" из разных социальных групп и классов. К концу века Лавров и Михайловский были вытеснены в общественном сознании Плехановым, а позже Богдановым и Луначарским, которые и стали "интеллигентскими" философами. Стержнем всех социально-философских построений стал диктат политического требования социального уравнивания в распределении, а основной фигурой в интеллигентской среде стал революционер. И неважно, что число интеллигентов, практически следовавших по этому пути, было незначительно. Важно, что святость революционного знамени признавали все. Это придавало мирозерцанию, не говоря уже о действиях, четко выраженный политический характер. "Кружковщина", таким образом, по мнению авторов "Вех", имела своим следствием фактическое "отщепенство" не только от государства, но и от народа, его быта и образа жизни. Став предметом критики, оно не только осуждалось всеми авторами сборника, но и рассматривалось как трагедия интеллигенции, которая, не мысля жизни вне народа и не имея своих личных интересов, с одной стороны, "растворяла себя в служении общему делу", с другой - никогда не могла приблизиться к народу настолько, чтобы он посчитал ее "своей".

Наиболее резко парадоксальность этой ситуации обозначена в статье М.О.Гершензона: "Русский интеллигент - это, прежде

всего, человек, с юных лет живущий вне себя, в буквальном смысле слова, т.е. признающий единственно-достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности - народ, общество, государство... думать о своей личности - эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном, интересуется вопросами общественности, работает на пользу общую⁹. Но именно этот образ мыслей и действий - в чем и была трагедия - делал интеллигенцию оторванной от народа. Осознание остроты этой трагедии прорвалось у автора статьи криком отчаяния: "Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народ-ной"¹⁰.

Это хорошо известное высказывание М.О.Гершензона - пожалуй, чуть ли не единственное из цитируемых в те времена, когда "Вехи" были под глубоким запретом - шокировало многих и стало сразу объектом нападок всех: и интеллигенции, и тех, кто себя к ней не относил. Уж очень оно, в самом деле, выглядело реакционным. Но вот что писал сам Гершензон во втором издании "Вех": "Эта фраза была радостно подхвачена газетной критикой, как публичное признание в любви к штыкам и тюрьмам. Я не люблю штыков и никого не призываю благословлять их... Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит ее, а власть, против которой она боролась, оказывается ее защитницей, хочет ли она того или не хочет. "Должны" в моей фразе значит "обречены": мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью, - в этом и заключается ужас, и на это я указываю"¹¹.

"Ужас" состоял в том, что вера в возможность стать спасителем русского народа, всегда жившая в интеллигентской душе, бывшая общим масштабом в суждениях и главным критерием для жизненных оценок, была теперь поколеблена. Автор понял, что если интеллигенция не изменит своих помыслов и действий, она не спасет народ. Спасение народа и себя - в освобождении от "кружкового", т.е. узкопартийного мирозерцания, которое с неизбежностью будет бросать и ее, и народ в объятия власти, держащейся на штыках, провокаторах и тюрьмах. Чтобы избежать этого, необходимо изменить тип сознания - философского, нрав-

⁹ Вехи. С. 70-71.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же.

ственного, политического, т.е. избавиться от внутреннего гнета, главная причина которого - тирания политики и монополия идеологии, признающей истинным только один путь к "хорошей жизни": "жить для народа", позабыв при этом справиться у него, что он сам-то понимает под "хорошей жизнью". Веховцы настаивали на том, чтобы каждый сам определял смысл и направление своей жизни, сознавая свою ответственность за все, что он делает и чего не делает. Следование этому принципу и соединит интеллигенцию с народом, а народ с интеллигенцией.

Сектантский, "кружковой" характер мыслей и действий интеллигенции с неизбежностью ослаблял ее интерес к правовому сознанию. Принадлежность к "тайному обществу", к партии, требовавшим соблюдения жесткой дисциплины, вера во всемогущество устава, диктовавшего свои правила поведения, - все это делало привычным состояние "осадного положения", безусловного подчинения меньшинства большинству, даже если последнее было большинством двух голосов, как это было на втором съезде РСДРП в 1903 году. Анализируя этот исторический случай, Б.А.Кистяковский отмечал, что тем самым "был нарушен основной правовой принцип, согласно которому, уставы обществ, как и Конституции, утверждаются на особых основаниях квалифицированным большинством"¹². Из этого, казалось бы, частного случая вытекали, как показывает автор, далеко идущие последствия, в частности, провозглашенный Г.В.Плехановым на съезде тезис: "Благо революции - выше закона". Позднее, как известно, он был повторен В.И.Лениным, но уже в нравственном ключе: нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата. Тем самым этот тезис был закреплен в общественном сознании едва ли не в качестве категорического императива.

Притупленность правосознания русской интеллигенции, факты открытого игнорирования ее вождями прав и свобод личности, демонстративный правовой нигилизм были результатом прежде всего частого нарушения, а порой и просто отсутствия правового порядка в общественной жизни. И тем не менее, от самой интеллигенции зависело немало. Это "немалое", по мнению авторов "Вех", состояло в отказе от "кружковщины", в преодолении связанных с ней черт сознания и стереотипов поведения. В примечании ко второму изданию сборника Б.А.Кистяковский писал: "Мы должны теперь напрячь все силы своей мысли, своего чувства и своей воли, чтобы освободить свое сознание от пагубного влияния неблагоприятных условий. Вот почему задача вре-

¹² Вехи. С. 146-147.

мени в том, чтобы пробуждать правосознание русской интеллигенции и вызвать его к жизни и деятельности"¹³. Эти слова, написанные более 80 лет назад, звучат так, будто их произнесли сегодня.

Итак, критике подверглась интеллигенция, которая, по убеждению авторов "Вех", перестала быть "органом народного сознания", за то, что ее мировоззрение и действия приобрели односторонний политический характер. Высказанные претензии авторы относили в полной мере и к себе, ибо, тесно связанные в свое время с легальным марксизмом, с первыми кружками и союзами социал-демократического типа, а позже с партией кадетов, они также отдали дань кружковой деятельности. Поэтому, обличая в "кружковщине" русскую интеллигенцию, они обличали и себя.

Кружковый характер русской общественной мысли не способствовал восприятию и глубокому осмыслению ею отечественных философских систем, например, В.С.Соловьева, Л.М.Лопатина, С.Н.Трубецкого. И дело не столько в сложности их учений, сколько в том, что любую философию интеллигенция оценивала лишь по политическим и утилитарным критериям, т.е. с точки зрения ее причастности к интересам народа - его благополучия и счастья. Те же философские системы, которые не могли быть приспособлены к этой цели, просто не включались в орбиту ее интересов. Русская классическая философия не отвечала этим критериям, поэтому интеллигенция, обучавшаяся философским наукам в кружках, "домашним способом", о ней просто не знала и не хотела знать. Более того, по замечанию С.Л.Франка, тех, "кто любит истину и красоту, подозревают в равнодушии к народному благу"¹⁴. Вот почему и Вл.Соловьева, и С.Трубецкого, которыми со временем стало гордиться европейское научное сообщество как выдающимися представителями мировой философской мысли, русская интеллигенция не читала, а точнее не считала "своими". И это понятно: их учения трудно было превратить в непосредственное орудие борьбы с самодержавием.

Зато читался и "приспосабливался" к партийно-мировоззренческим задачам Кант и Мах, потому что, по ироничному замечанию Бердяева, критический марксизм рассчитывал на Канте и неокантианстве обосновать социалистический идеал. И "обосновал". Социалистический утилитаризм, классовый подход

¹³ Вехи. С. 155.

¹⁴ Там же. С. 180.

стали главными критериями в оценке всего духовного наследства. Это отношение к философии, канонизировавшее вместо серьезной философской культуры "кружковую отсебятину" (Бердяев), было выражением непонимания безусловной ценности истины. Неспособность к рассмотрению философских проблем по существу, т.е. с точки зрения их безотносительной ценности, была для авторов "Вех" главным недостатком - грехом - интеллигентского сознания. И именно за эту особенность они подвергали последнее бескомпромиссной критике, призывая интеллигенцию вернуться от односторонне понятой "правды-справедливости" к "правде-истине", коей она призвана служить.

Резкой критике со стороны авторов книги подверглось в первую очередь подчинение общественной мысли политическому деспотизму со стороны революционно-народнической, позднее, революционно-социалистической идеологии, давление, ставшее причиной субъективистских искажений и предвзятостей. Стремление кружковой интеллигенции обладать таким мировоззрением, которое бы, соединяя теорию с практикой, могло стать "руководством к революционному действию", основой имело, считали авторы "Вех", эгоистическое стремление получить философскую "санкцию" на свои политические и партийные амбиции, выступающие под флагом социалистической идеи. "Интеллигенция готова, - писал Бердяев, - принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую, самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагоприятном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам"¹⁵.

Интеллигенция не могла бескорыстно относиться к философии, поскольку корыстно относилась к истине, требуя от нее быть средством построения счастливого общества и достижения социальной справедливости¹⁶.

¹⁵ Из глубины. М., 1991. С. 16.

¹⁶ Понятно, что такое отношение к философии приводило зачастую к заметным искажениям воспринимаемых и усваиваемых философских систем, в том числе и марксизма, который подвергался народническому "перерождению", приобретая несвойственные ему ранее черты "интеллигентской кружковщины". Идеи исторического материализма, связанные с признанием объективной силы и значимости экономических законов, нивелирующих волевого вмешательства со стороны людей, были отодвинуты на второй план, а на первый выступила субъективно-классовая сторона социал-демократизма. В результате материализм превратился в новую форму "субъективной социологии".

Правда, с усвоением марксизма и русская интеллигенция несколько изменила свое "лицо", приобретая "европейское одеяние": поклонение крестьянству вытеснилось поклонением пролетариату. Однако подчинение классовой точке зрения собственных философских построений культивировало "аскетическое" отношение к самому философскому творчеству: от него требовалось определенное "воздержание" во имя дела на благо народа и борьбы с абсолютизмом. Нигилистический морализм, связанный с неприятием универсальных норм и абсолютных ценностей, в основе которого лежал пафос служения земным нуждам народа, идее социальной справедливости, утверждал особое отношение к духовному творчеству: с болезненной навязчивостью оно подчинялось интересам политики, а точнее - партии, уступая место революционным действиям, которые на шкале интеллигентских предпочтений стали занимать ведущее место.

Таким образом, достойная всякой похвалы любовь к народу, жажда органического слияния знаний и добра, уходящая своими корнями в национальные традиции русской общественной мысли, сыграла с русской интеллигенцией злую шутку: она, по словам Бердяева, парализовала любовь к истине. "Правда-истина" была вытеснена "правдой-справедливостью": "сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича "долой самодержавие"¹⁷. Истина раздвоилась на "полезную" и "вредную", философия - на "пролетарскую" и "буржуазную", на "левую" и "правую", что по сути дела было выражением умственного, нравственного и общекультурного декаданса, постигшего интеллигентское сознание. А "правдоискательство" завершилось построением системы, в соответствии с которой человек стал мыслиться свободным лишь при условии, что он свободен от политического и экономического гнета, т.е. от внешних форм рабства; духовная же свобода, без которой немислимо творчество, была отодвинута на периферию общественной жизни и общественного сознания.

Преодоление этого раздвоения, считали авторы "Вех", возможно только через "смирение" перед истиной, другими словами, через признание ее самоценности. Но это, в свою очередь, требовало освобождения от гнетущей власти политики, от диктата классового подхода в духовном творчестве, в какой бы сфере они ни осуществлялись - в сфере естественнонаучного познания, философских изысканий, литературного творчества, поисков соци-

¹⁷ Из глубины. С. 17-18.

ального идеала. Бескорыстное стремление к интеллектуальному творчеству, идентификация с ним - вот то, что вернет русской интеллигенции внутреннюю свободу, а ее миросозерцанию - подлинную ценность. То почтение и даже идолопоклонство, с которым русская интеллигенция относилась к позитивному знанию, как знанию полезному, служащему изобличению самодержавия и "мещанства" буржуазного мира, должно уступить место подлинному научному творчеству, "научному духу", который сам по себе не прогрессивен и не реакционен, поскольку "заинтересован" лишь в одном - в достижении объективной истины ("правды-истины"), свободной от всяких предвзятостей, сколь бы "прогрессивны" они ни были с точки зрения классовой психологии и интересов революционного дела.

Критика утилитаризма и морального нигилизма русской интеллигенции основывалась на признании авторами сборника самоценности внутренней жизни личности как творческой силы человеческого бытия, на признании, что именно она, а не само-довлеющее начало политического порядка является основанием всякого общественного строительства. Именно этот тезис обозначил новые вехи, определившие направление изысканий всех авторов сборника. В нем же заложена суть главного упрека, брошенного интеллигенции: культивируя "общественность", стремясь к улучшению "внешних форм жизни", она упустила из вида личность, а с этим - момент творчества и созидания тех самых материальных и духовных благ, о справедливом распределении которых она постоянно заботилась. Ибо признание в качестве главной нормы поведения человека служения "общему делу" неизбежно ведет к подавлению личной инициативы или частного интереса, обесценивает индивидуальную человеческую жизнь, лишает ее собственного содержания, ставит индивида вне культуры как процесса свободной самореализации человеческого духа.

Моральное кредо интеллигентского миросозерцания, утверждавшее, что "основным внутренне-необходимым средством осуществления морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм"¹⁸ с целью достижения социальной справедливости, рассматривало и культуру лишь как средство достижения этой цели. Тем самым развитие науки, философии, литературы, искусства - все духовное творчество - лишалось собственного смысла, поскольку его социальная значимость мыслилась прежде всего в связи с процессом справедливого распределения духов-

¹⁸ Вехи. С. 199.

ных благ среди трудящихся масс. Этот тезис невольно служил оправданием ситуации, о которой С.Л.Франк писал: "Так называемая культурная деятельность сводится именно к распределению культурных благ, а не к их созданию, а почетное имя культурного деятеля заслуживает у нас не тот, кто творит культуру - ученый, художник, изобретатель, философ - а тот, кто раздает массе по кусочкам плоды чужого творчества, который учит, популяризирует, пропагандирует"¹⁹.

Такое отношение к культуре и человеку (как к средству решения определенных социальных задач) обосновывалось главной концептуальной посылкой интеллигентского мирожерцания - признанием примата внешних общественных форм над внутренним миром человека, и в связи с этим абсолютизацией роли насилия во всех социальных преобразованиях. Если "внутренние условия для человеческого счастья всегда палицы, и причины, препятствующие устройству земного рая, лежат не внутри, а вне человека - в его социальной обстановке, в несовершенствах общественного механизма", то "работа над устройством человеческого счастья, с этой точки зрения, есть по самому своему существу не творческое или созидательное в собственном смысле слова дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т.е. к разрушению"²⁰. Это утверждение Франка подтвердила история советского общества, которое вот уже более 70 лет, руководствуясь именно этим принципом, занято "чисткой" и "разрушением", а проблемы социальной справедливости и счастья народа не решило.

Какой же выход предлагали авторы "Вех"?

В атмосфере политического утилитаризма, духовного релятивизма, правового нигилизма они призывали к духовной реформации на основе поиска абсолютных ценностей: к возрождению религиозного сознания и обращению к религиозной философии (Бердяев); к "христианскому подвижничеству" в духе протестантской этики (Булгаков); к "религиозному гуманизму" (Франк); к возрождению традиционных ценностей русской культуры (Гершензон); к суверенности правового сознания (Кистяковский). Мир спасет не революция, а созидательная, прежде всего, духовно-созидательная, деятельность, способная противопоставить относительности "правды-справедливости" абсолютность "правды-истины". Так, порывая с традициями кружковой интеллигенции, веховцы рассчитывали "укрепить традицию более длительную и глубокую, и через семидесятые годы по-

¹⁹ Вехи. С. 194.

²⁰ Там же.

дать руку тридцатым и сороковым годам, возродив в новой форме, что было вечного и абсолютно-ценного в поисках духовных пионеров той эпохи²¹.

Вопреки чаяниям авторов "Вех" русская интеллигенция в массе своей не смогла понять и принять идеи духовной реформации, всецело полагаясь на преобразование внешних (политических) условий жизни. Но исторический опыт дал жестокий урок и авторам "Вех", доказав невозможность духовно-реформаторской деятельности без "внешних" политических преобразований и гарантий. С одной стороны, внешние формы жизни во многом определяют саму возможность духовного творчества, а с другой - и человеческому духу безразлично, каковы они - внешние условия жизни. "Царство Божие внутри нас" - утверждают авторы "Вех". Но оно определяется и условиями земного, в конечном счете, политического, существования. Заметим, что и сами авторы "Вех" спустя десять лет оказались вовлеченными в политическую круговерть. Они стали участниками - вольными или невольными - политических событий, правда, по "другую сторону баррикад", окончательно разделивших их с кружковой интеллигенцией и ее преемницей - интеллигенцией партийной, вышвырнувшей их за пределы России как "потенциальных врагов народа".

Но еще задолго до этого "логического конца" авторы "Вех" были привлечены на суд чести той частью интеллигенции, которая не услышала и не поняла их, которая оставалась в плену своих политических иллюзий. Сборник в целом был встречен недружелюбно. Одни недоумевали, другие негодовали, но (за редким исключением) все откренчивались от его идей. Такое единодушное объясняется тем, что в книге увидели посягательство на "святая святых" русской интеллигенции - убеждение в правоте ее революционно-освободительной миссии. И хотя призыв авторов "Вех" к покаянию не встретил поддержки у тех, к кому он был обращен, сам сборник имел огромный, скандальный успех.

С самого начала обсуждение книги велось в стиле и лексике судебного разбирательства. Однако, взяв на себя роль адвокатов интеллигенции, критики "Вех" в пылу полемики превратились в обвинителей. "Веховцам" инкриминировалось, что, не имея на то законного права, они учинили суд над русской интеллигенцией. (Статьи обвиняемых и защитников пестрят выражениями "оговор", "клевета", "приговор", "скамья подсудимых" и, конечно же, пресловутым "а судьи кто?" Так, защита русской интеллиген-

²¹ Вехи С. 20.

ции превратилась в обвинение ее диссидентской группы, осмелившейся пойти против течения. Она-то и оказалась на скамье подсудимых, представ, по выражению А.Белого, едва ли не перед военно-полевым судом.

Прокурорски-обвинительный тон полемики во многом задал пользовавшийся большим авторитетом религиозный писатель Д.С.Мережковский, выступивший 21 апреля 1909 года в религиозно-философском обществе с докладом по этому поводу. Блестящий эрудит, мастер слова Д.С.Мережковский вызвал бурю восторгов своим публичным выступлением. Литературно оформленное в статью "Семь смиренных", оно стало символом ренегатства: "семь смиренных" в свое время подписались под отлучением Л.Н.Толстого от церкви; семь авторов "Вех", по аналогии Мережковского, отлучил русскую интеллигенцию от России. Используя метафору - ссн Раскольникова, Мережковский уподобляет русскую интеллигенцию жалкой кляче, которую, не жалея сил, лупят "семь смиренных", пытаясь заставить ее бежать вскачь. Они безжалостно бьют ее кнутом и ломиком между глаз, пока не убеждаются, что лошаденка-то сдохла. Тогда один из них (или вместе) с пафосом целуют ее в губы, и жалкая кляча оказывается вдруг прекрасной Суламифью - русской интеллигенцией.

Но, как справедливо замечает В.В.Розанов, интеллигенция начала века отнюдь не напоминала жалкую клячу. Она имела университеты, печать и, главное, она более, чем правительство, влияла на формирование общественного мнения. Вопрос лишь в том - во благо или во вред использовалось это влияние? За поражение революции 1905 года, оплаченное многочисленными жертвами и, главное, пробудившее жестокость в народе, интеллигенция, взлелеявшая и ожидавшая революцию, как "невесту", должна не только нести ответственность, но и извлечь нелюбезный урок: заглянуть в себя и постараться понять, то ли она делала во имя общественного блага, которое вдруг обернулось очевидной всеобщей бедой. Именно этот вопрос, по мнению В.В.Розанова, и поставили авторы "Вех".

Мережковский, а за ним и другие критики торопились уличить авторов "Вех" в противоречиях по вопросам веры, в неоднородности практических рекомендаций и т.п., вменить им в вину отсутствие единого универсального рецепта спасения русской интеллигенции, а заодно и России. Критикам невдомек, что по одному и тому же вопросу может быть несколько суждений, что к единой цели можно придти разными путями, что именно в моноидеизме авторы "Вех" видели один из существенных пороков русской интеллигенции и пытались его преодолеть, защищая в

сборнике различные идейных позиций и философских ориентаций.

Среди хора хулы подавляющего большинства критиков и обличителей были и редкие голоса в защиту книги и ее концепции²². Однако выступления в защиту "Вех" вызывали лишь раздражение или рассматривались как провокация. Этому способствовало и то обстоятельство, что среди поддержавших книгу наряду с А.Белым и В.В.Розановым оказались имена архиепископа Антония и председателя Совета министров П.А.Столыпина, официальный статус которых закрепил за ними имидж реакционеров, чья похвала, а тем более поддержка, обрекала авторов "Вех" на общее негодование. "Скажи мне, кто тебя поддерживает, и я скажу, кто ты", - иронизировал по этому поводу один из левых критиков. Этим аргументом не побрезговал в своей статье "О "Вехах" и В.И.Ленин.

Возможно, в оценке "Вех" П.А.Столыпиным сказался партийный интерес министра-реформатора, впрочем не в большей мере, чем у вождя российской социал-демократии В.И.Ленина. Поражение революции побудило авторов "Вех" поставить вопрос об ответственности интеллигенции не только за поражение, но за культ революции, насаждаемый в народе. В этой связи Столыпин охарактеризовал "Вехи" как "суровое зеркало", в которое не убоялись заглянуть авторы книги. Однако интеллигенция, за малым исключением, не последовала их примеру. В поражении революции она готова была обвинить кого угодно - правительство, народ, злокозненные силы - только не себя. Характерно, что во второй статье, написанной в ответ на критику первой, П.А.Столыпин сделал пророческое замечание в адрес "Вех" и их оппонентов: осуждение русскими интеллигентами своего грубого (сейчас бы мы сказали экстремистского - Авт.) прошлого является одновременным осуждением будущего их противников, поскольку они переймут те же грубые, насильственные приемы²³.

С диаметрально противоположных позиций, от имени российской социал-демократии книгу оценил В.И.Ленин в статье "О "Вехах". Перечитывая заново статью в свете сегодняшних проблем, а также в контексте всей той очень разнородной публицистической литературы, которая была написана по поводу "Вех" в свое время, отметим следующее. Статья носит открытый партийно-политический характер. Ленин и не прибегает к маскировке "объективного анализа" книги. Он прямо и однозначно вы-

22. *Белый А.* Правда о русской интеллигенции. См. приложение к настоящему изданию.

23. См.: Приложение к настоящему сборнику.

носит ей приговор с точки зрения размежевания политических сил. Прекрасно сознавая, что октябристы после поражения революции скомпрометированы тем, что зарекомендовали себя в глазах всей прогрессивной общественности как крайне правая реакционная партия, и что знамя парламентаризма пока удерживают лидеры кадетов - партии, защищавшей идеи конституционной демократии и проявлявшей интересы либерально настроенной интеллигенции, Ленин воспользовался скандалом вокруг "Вех", чтобы именно против конституционной демократии направить свой удар. "Вехи", большинство авторов которых примыкали к партии кадетов, давали этому хороший повод. И Ленин, блестящий политик, не мог упустить его, хотя ему было известно, что с критикой "Вех" выступили и сами кадеты.

Уже в первом абзаце статьи утверждается с определенным нажимом: "Вехи" выразили несомненную суть современного кадетизма. Партия кадетов есть партия "Вех"²⁴. Статья Ленина, собственно, и посвящена обоснованию этого тезиса. Она обвиняет "Вехи" в отречении от идейных основ мировоззрения русской демократии, от ее революционно-освободительной борьбы. Сюда он относит все, что может скомпрометировать их авторов: борьбу с материализмом, отступничество от марксизма, выступления против революционных демократов, проповедь духовно-религиозного возрождения, призыв к покаянию и т.д. и т.п. Эти обвинения имеют отчасти основание, равно как и заключение Ленина, что книга написана не против интеллигенции вообще (чего не разглядели многие ее либеральные критики), а только против той ее части, которая была выразительницей революционно-демократического движения.

Однако это так и не совсем так. Да, книга направлена против духовной тирании моноидеологизма, выступившего под флагом революционной демократии. Но, несмотря на критически-публицистический запал, "Вехи", как мы уже отмечали выше, имеют глубокий философский подтекст. И когда ее авторы призывают "заглянуть в себя", имеется в виду настоящая необходимость для всей русской интеллигенции - в этом суть ее мирозерцания как особой социальной силы - отойти от политических баталий и подняться на уровень философской рефлексии с целью осознания своей миссии в русском обществе, и в первую очередь миссии быть творцом духовных ценностей, субъектом культурного творчества. Этот аспект книги стался вне поля зрения Ленина-политика. Это его право, как право каждого автора выбирать лю-

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 167.

бой аспект критики. Беда состояла в том, что ленинская оценка "Вех", будучи возведенной в ранг официальной идеологии, перейдя во все советские энциклопедии, закрыла для читающей публики на длительный срок как сами "Вехи", так и иные, кроме большевистской, их интерпретации. Под запретом оказались сами имена авторов сборника.

Иную интерпретацию "Вех", переросшую в процесс дискуссии о целостной концепции русской интеллигенции, представили видные теоретики кадетской ориентации. Первыми в полемику с "Вехами" на страницах кадетского журнала "Русская мысль" вступили видный историк А.А.Кизеветтер и известный публицист Л.Лурье, оба примыкавшие к кадетской партии. Позднее, уже в 1910 году вышел концептуально оформленный "антивеховский" сборник "Интеллигенция в России", в котором принял участие интеллектуальный цвет кадетской партии: крупнейший историк начала века, лидер партии П.Н.Милюков, историк и этнограф М.М.Ковалевский, профессор права Н.А.Гредескул, юрист, главный редактор "Нового энциклопедического словаря" Брокгауза и Эфрона К.К.Арсеньев, видный экономист М.М.Туган-Барановский и др. Отдавая должное смелости авторов "Вех" в беспощадной постановке вопроса, соглашаясь с рядом вскрытых ими противоречий и негативных тенденций в развитии русской интеллигенции, авторы сборника "Интеллигенция в России" предъявили им ряд встречных обвинений и выступили в защиту интеллигенции.

На первый взгляд подобное отношение к "Вехам" кажется странным: ведь в них не только Ленин, но и другие видели "энциклопедию кадетизма". Однако, на наш взгляд, именно в сборнике "Интеллигенция в России" выражено идейно-политическое кредо кадетской партии, тогда как "Вехи" явились своего рода апокрифом не только кадетской, но и традиционно-интеллигентской идеологии в целом. В этом кроется одна из причин непонимания, несогласия и даже негодования против "Вех". Однако, как известно из истории религиозной литературы, еретические книги, или апокрифы обладают большой степенью пророческого дара, верность которого обнаруживается спустя какое-то время. Так случилось и с "Вехами". И как всякий апокриф, они имеют смысл лишь по отношению к ортодоксальному пониманию проблемы, которое и представлено в сборнике "Интеллигенция в России".

Основной статьей сборника, определяющей его концептуальную целостность и антивеховскую направленность, является статья П.Н.Милюкова "Интеллигенция и историческая тради-

ция²⁵. Отметив переломный и даже кризисный характер современной эпохи и повторив вслед за "Вехами" вопрос об ожидаемых последствиях этого кризиса - не грозит ли он перерождением и полным уничтожением русской интеллигенции, - Милюков недвусмысленно обозначил свою антивеховскую позицию. Принципиальное расхождение между двумя сборниками проходит по трем линиям: 1) пониманию статуса русской интеллигенции; 2) отношению к революции; 3) проблеме соотношения духовного творчества и деятельности, направленной на изменение внешних общественных форм.

Оппоненты "Вех" уловили наиболее слабое место концепции книги. Обвиняя интеллигенцию в "отщепенстве", атеизме, космополитизме, правовом индифферентизме, этическом нигилизме и пр. "грехах", ее авторы по мере необходимости то жестко ограничивают сферу приложения этого понятия, сужая его до представителей революционной демократии, то расширяют на весь образованный класс, делая, впрочем, некоторые, несомненные для концепции исключения. Милюков, в частности, отмечает, что суд "Вех" над русской интеллигенцией не объективен, ибо они осуждают одно интеллигентское течение мысли во имя другого, притом, типично интеллигентское именно в старом, отрицаемом ими вкусе. Инкриминируемые ими старому типу русской интеллигенции обвинения в "изолированности от жизни", "недостаточном чувстве действительности", "духовном аристократизме", "принижении разумного начала", "моноидеизме", "сектантской нетерпимости к инакомыслящим" в полной мере присущи и авторам "Вех". Если для веховцев грех интеллигенции был в ее связи с революционно-демократической традицией, представленной В.Г.Белинским, Н.Г.Чернышевским, К.М.Михайловским, которым противопоставлялась иная традиция, представленная именами А.С.Хомякова, В.С.Соловьева, Ф.М.Достоевского, то для кадетов основной идеей была защита русской интеллигенции в целом, со всеми ее достоинствами и недостатками, такой, какая она есть, ибо другой интеллигенции в России и не могло быть.

Второй проблемой, вызвавшей принципиальные расхождения идеологов кадетизма с авторами "Вех", было отношение к революции. Они начинаются уже с характеристики послереволюционного кризиса. Если веховцы связывают его с поражением революции, обусловленным именно тем, что она была

²⁵ См.: *Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция //* *Вопр. философии.* 1991. N 1.

"интеллигентской", то Милюков усматривает в кризисной ситуации очередной и "нормальный" сдвиг в развитии русской истории, связанный с расширением практических задач, вставших перед обществом и требующих его либерализации. Это естественный процесс развития, и в нем нет ничего, что бы грозило интеллигенции катастрофой.

Что касается самой революции, то, во-первых, нет никаких оснований считать ее "интеллигентской": даже Булгаков говорит о ней как о "гигантском землетрясении", в основе которого лежало движение масс. И, во-вторых, поражение революции не следует абсолютизировать. Даже если за революцией следует "термидор", это не означает, что она была "зряшной". Любая революция, в том числе и потерпевшая поражение, ведет к перегруппировке политических сил, к завоеванию определенных плацдармов, служащих отправной точкой, с которой, по мысли Милюкова, начинается новое движение истории. Так, русская революция расчистила почву и создала ростки новых конституционных институтов, которые могли стать основой для дальнейшего государственного строительства. Могли, добавим мы, но не стали.

Одним из крайних проявлений "отщепенства" русской интеллигенции и ее главным грехом, способным разрушить русскую духовность, авторы "Вех", как уже отмечалось, считали ее политический прагматизм, подчинение духовной деятельности решению "внешних" социально-политических задач и, в частности, ее зараженность "европейским мещанством", на почве которого вырос социализм, понимаемый, впрочем, достаточно широко - как ориентация на изменение внешних общественных форм в соответствии с абстрактно понятым принципом социальной справедливости. Однако склонность русской интеллигенции к идее социальной справедливости, к социализму отнюдь не является привнесенной извне, из Европы. Она сформировалась исторически в условиях развития самого русского общества, хотя и европейского влияния недооценивать не следует. В статьях Туган-Барановского раскрывается общее и особенное в развитии европейской и русской интеллигенции, что позволяет лучше понять специфику и перспективы развития последней.

Так, европейски образованный класс развивался, по его мнению, на почве городской культуры с ее цехами и университетами, а позднее на основе гражданского общества в недрах "третьего сословия" и потому был органично включен в их воспроизводство. Русская же интеллигенция сложилась в эпоху Петра и господства крепостного права. Ее воспроизводство жестко регламентировано

лось государством. Сферой свободного духовного производства становились тайные общества и "кружки", и оно неизбежно концентрировалось вокруг проблем тоталитарного государства и восстановления социальной справедливости по отношению к народу. Поэтому, считает Туган-Барановский, если русский интеллигент не чужд общественных интересов, он неизбежно сочувствует социализму, а иногда и фанатически предан ему.

И все же, констатирует автор, развитие русской интеллигенции в целом идет по европейскому пути. Постепенно она переходит от кружковой замкнутости на положение определенной общественной группы. Внутри нее выделяется творческое ядро, которое и берет на себя миссию производства духовных ценностей и общественного самопознания. На определенные круги образованного класса ложится задача трансляции этих ценностей в другие классы общества. Со ссылкой на авторитет К.Каутского Туган-Барановский обосновывает еще одну очень важную мысль: развитие европейского образованного класса в последнее время приняло направление весьма близкое русской интеллигенции. Внутри него выделяется вольная интеллигенция, которую характеризуют более широкие духовные горизонты, способность к отвлеченному мышлению, отсутствие особых классовых интересов, т.е. своего рода "отщепенство", но вместе с тем высокое сознание социально-духовной ответственности.

И все же, несмотря на цельность кадетской концепции русской интеллигенции и обоснованность ее аргументации, сборник "Интеллигенция в России" остановился на уровне политической дискуссии и не поднялся до философского осмысления проблемы, к чему призывали "Вехи". Этот призыв не был услышан даже такими чуткими теоретиками, как Миллюков, Туган-Барановский, Овсяников-Куликовский. Так произошло потому, что в ситуации политической реакции, наступившей после поражения революции, политические пристрастия неизбежно задавали тон любой дискуссии, тем более, спору вокруг проблемы "интеллигенция-власть-народ". Гуманистические, общечеловеческие оценки вытеснялись классовыми, партийными, ибо революционная ситуация рождает максималистское сознание, преодоление крайностей которого, как бы к тому ни стремились его субъекты, возможно лишь с позитивным преодолением самой революционной ситуации. В вину авторам "Вех" вменялся (и не без основания) пресмотр, а по оценке левых оппонентов, просто предательство революционных традиций русской интеллигенции. Что может быть сильнее этого обвинения в период кризиса революционного движения, с судьбой которого интеллигенция свя-

зывала свою собственную судьбу? Понятно, что подобное обвинение очень затрудняло способность услышать и понять то, что хотели сказать авторы сборника.

Кроме того, представленные в полемике вокруг "Вех" точки зрения не исключают друг друга. Они представляют собой различные стороны интеллигентского сознания, каждая из которых приобрела особую актуальность в определенные эпохи общественной жизни России, высветивая их и указывая на возможные пути решения стоящих перед обществом задач. Так было в полемике западников и славянофилов, нигилистов и почвенников, народников и марксистов, сторонников духовно-религиозного ренессанса и европейского парламентаризма. Каждая из сторон была права по-своему. И для того, чтобы приблизиться к истине, необходимо было философское "снятие" политических крайностей.

Попытку выявить культурно-философский смысл общественно-политического движения России и с этих позиций оценить судьбу русской революции и предприняли "Вехи", хотя и они не сумели преодолеть своих партийных пристрастий. Это привело к необходимости пересмотра философских основ интеллигентского мировоззрения в ситуации политической напряженности. Пересмотр по сути дела начался раньше - с момента выхода сборника "Проблемы идеализма", в котором обозначился переход от легального марксизма к идеализму и религиозной философии. И вот этого перехода интеллигенция не заметила и не приняла: ее "кружковая часть", ядро которой к тому времени составляли социал-демократы, отвергла его в силу того, что исповедовала марксизм; русский же "образованный класс" в лице либералов и кадетов отказался от новой философской парадигмы в силу своей принадлежности к позитивизму. Но не только это. Вызов новой философии русский образованный класс не принял и просто в силу недостаточного уровня философской культуры. Университетская научная общественность фактически не выступила в защиту философских основ дискуссии, поскольку ее отношения с кружковой интеллигенцией, из которой вышли и авторы "Вех", складывались весьма не просто. Иными словами, русская интеллигенция в своей массе была не готова к предлагаемой смене вех - ни философских, ни нравственных, ни политических. В этом была главная причина непонимания и неприятия сборника и в то же время тайна его скрытой притягательной силы.

Названные причины, на наш взгляд, позволяют понять и сегодняшшний "бум" вокруг "Вех". Конечно же "Вехи" - это история русской общественной мысли, духовных исканий русской интел-

лигенции, но одновременно это и современность, актуализация вопросов нынешнего дня. Сегодня мы снова оказались на той же исторической "развилке", и перед нами стоят те же проблемы: духовное оздоровление общества, утверждение конституционной демократии, обеспечение прав личности и гарантий ее внутренней свободы, выявление культурно-созидательного смысла деятельности народных масс, о которых говорили авторы сборника.

Ныне, как и 85 лет назад, отечественная интеллигенция начинает сознавать, что ее мировоззрение, до этого основывавшееся на марксизме как единственно верном учении, нуждается в смене философской парадигмы или, по крайней мере, в существенной ее коррекции перед реальностью сосуществования иных философских систем, дающих альтернативное решение "вечных" философских вопросов. Правда, и интеллигенция ныне другая и другой тип сознания характеризует ее ядро. С победой пролетарской революции и утверждением марксистской идеологии в качестве господствующей и "единственно верной" кружковая интеллигенция практически перестала существовать, превратившись в партийную интеллигенцию, подчиненную тоталитарному государству. В условиях идеологической монополии заметно изменился и образованный класс, ограниченный в своем творчестве требованиями "социального заказа" и партийной дисциплины. Есть большой соблазн согласиться с солженицынским определением его как "образованщины".

И тем не менее нельзя не видеть, что сегодня мы переживаем возрождение духовных и нравственных традиций русской интеллигенции, процесс освобождения ее сознания от тех черт, против которых так страстно возражали "Вехи". Призывы сборника сегодня звучат даже более актуально, чем в начале века: за это время мы "обогатились" слишком печальным опытом, которого у русского образованного класса 85 лет назад не было, но угрозу которого предвидели авторы "Вех" и сквозь десятилетия предостерегали нас. Если мы поймем эти предостережения и преодолеем "моноидеизм" марксистской идеологии на основе свободного поиска истины, наше общество хотя бы на один шаг продвинется по пути обеспечения гарантий от повторения этого печального опыта.

Метаморфозы интеллигентского сознания и тоталитарный менталитет

Реализация социально-экономических преобразований в России в значительной мере осложняется тем, что, отвергнув тоталитаризм как технологию власти, мы сохранили многие типологические черты и социальные привычки тоталитарной личности. Тоталитарный режим тем и оправдывал свое название, что проникал во все клеточки социального организма, включая сферу повседневности и жизненного мира человека, заповедных для власти в демократическом социуме. "Государство, - писал еще в 1932 году Г.П.Федотов, - не оставляет ни одного угла в его жилище, ни одного угла в его душе вне своего контроля"¹. Поэтому преодоление тоталитаризма на уровне социальных структур и институтов - всего лишь предпосылка, хотя и важнейшая, его изживания как способа социального мышления и действия.

Сегодня многие черты социального поведения несут на себе печать тоталитарного менталитета. Пафос героического авантюризма и пренебрежение повседневностью, дефицит толерантности и экзальтированная готовность жертвовать настоящим во имя будущего, революционаристское презрение к "умному" консерватизму и экологии социальности, едва ли не эсхатологическая направленность многих социальных ожиданий - таков далеко не полный перечень социальных привычек, отнюдь не исчезнувших, как по мановению волшебной палочки, со сменой политического режима.

Подобная констатация, впрочем, не содержит в себе ничего неожиданного. Утверждение, что феномены общественного сознания обладают относительной самостоятельностью и не всецело детерминированы базисными социальными структурами, хотя и выходит за рамки собственно классической парадигмы социальной познания с присущей ей фундаментализацией производственных отношений, все же вполне укладывается в русло привычного нам "позднего" марксизма, остающегося в пределах классической социальной методологии по преимуществу.

¹ Федотов Г.П. Россия, Европа и мн. Париж, 1973. С. 65.

Неожиданно другое. Всесторонне проанализированные в работах последних лет черты тоталитарного менталитета² оказываются практически полностью "списанными" с характеристик самосознания дооктябрьского поколения российской интеллигенции, в том виде, как они представлены в "покаянном" документе той эпохи - сборнике "Вехи". Это тем более удивительно, если принять во внимание существенное изменение как духовного облика, так и социального статуса интеллигенции после Октября 1917 года. Однако прежде, чем искать истоки подобного совпадения, определим само понятие дооктябрьской российской интеллигенции, и по сей день употребляемое отнюдь не однозначно. Подобное различие в словоупотреблении ведет к несовпадающим оценкам роли и места интеллигенции в первой русской революции, например, у М.Вебера и авторов "Вех"³.

Веберовская теория осмысленного социального действия, лежащая в основе его методологии анализа социально-политических проблем первой русской революции, оперирует функционально-социологическим определением интеллигенции как сообщества лиц умственного труда. Будучи совершенно адекватным характеристикам западного социума, оно, однако, не отражало важнейших конститутивных особенностей российской интеллигенции, коренящихся в ее социальном происхождении. Если образованный класс Запада, или, как его там принято называть, "интеллектуалы", представлял собою органический продукт расщепления третьего сословия, то российская интеллигенция, рекрутируемая из разных сословий, а поначалу преимущественно из дворянского (недаром, как отмечал Г.П.Федотов, среди революционеров так много людей с дворянскими фамилиями), была порождением насильственной модернизации петровского образования. Веберовское определение интеллигенции "не схватывало" этой особенности ее генезиса и по существу отождествляло ее со всем русским образованным классом.

Авторы "Вех" придают понятию интеллигенции куда более узкий, социально-нравственный смысл. В подобном понимании она не охватывает собою всего образованного класса, к представителям которого в широком смысле слова относили великих русских писателей прошлого века: Л.Толстого и Ф.Достоевского,

² См.: Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; Панарин А.С. Сентиментальность тоталитаризма и жестокосердие демократии // Вестник АН СССР. 1990. N 11; *его же*. Революция и реформация // Знамя. 1991. N 6.

³ См.: Давыдов Ю.Н. Два подхода к пониманию российской интеллигенции // Свободное слово. 1991. N 18.

Ф.Тютчева и А.Фета, а также выдающихся мыслителей и публицистов Новикова, Радищева и Чаадаева, свободных, по определению М.О.Гершензона, от шор узко-интеллигентской общественно-утилитарной морали. Под интеллигенцией же в собственном смысле слова понимали лишь часть русского образованного класса, исторически восходящую к первой волне российской модернизации - реформам Петра - и занимавшую - в силу особенностей своего исторического происхождения и сравнительной исторической молодости - особое положение как внутри самого образованного класса, так и в русском обществе в целом.

Главным завоеванием интеллигенции, как замечает Г.П.Федотов, было внесение в Россию - в народ - готовой западной культуры, всегда в кричащем противоречии с хранимыми в народе переживаниями древнерусской и византийской культуры. Полемически заостряя отчуждение интеллигенции от старого русского образованного класса, он утверждал, что в середине XIX века русская культура развивается вне интеллигенции. Дело интеллигенции - революция. И к началу XX века это уже две разные породы людей, которые перестают понимать друг друга⁴.

Именно эти характеристики русской интеллигенции, обусловленные особенностями ее "неорганического" происхождения как продукта первой волны насильственной модернизации, определившие своеобразие ее общественного положения и, соответственно, социального самочувствия, ускользали от функционально-социологического анализа М.Вебера, вполне адекватного, повторяю, по отношению к западным интеллектуалам.

Представляя собою чрезвычайно тонкий вестернизированный слой на поверхности российского традиционного общества, интеллигенция, по замечанию М.О.Гершензона, выступала носителем огромного количества драгоценных, но чувственно слишком далеких большинству населения России цивилизационных идей и привычек, приверженность к которым и обусловила ее культурную маргинальность в российском обществе.

³ Еще более узкое определение интеллигенции, по существу отождествляющее ее с российской социал-демократией, дал П.Б.Струве, утверждавший, что "русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только "образованный класс" и разные в нем направления" (*Струве П.Б. Интеллигенция и революция* // Вехи. М., 1991. С. 151).

⁴ См.: *Федотов Г.П. И есть, и будет. Размышления о России и революции* // О судьбе русской интеллигенции. М., 1991. С. 19, 38.

Пресс социально-культурного отчуждения давил не только со стороны "старого" образованного класса в лице дворянства и клира, в целом органичного национальному культурному архетипу и лишь слегка подернутого европейским лоском, но и со стороны государства в лице его служилой бюрократии. Последняя, будучи по социальному происхождению частью той же интеллигенции, т.е. продуктом петровских преобразований⁵, оказавшись на содержании у самодержавной власти, лишь отдаленно напоминающей европейские монархии⁶, приняла идеалы традиционного общества "православия, самодержавия, народности", обеспечивающие ей высокую степень общественной легитимации и стойкое ощущение социальной востребованности. П.Б.Струве, выразивший подобную маргинальность в понятии "отщепенства", конституирует интеллигенцию с помощью двух "анти": антигосударственности и антирелигиозности⁶. "Во власти, - заметит впоследствии Г.П.Федотов, - интеллигенции всегда чуялось нечто гнусное и грешное. Она была сурова ко всем ярким выразителям государственной идеи в истории"⁷.

Однако самой болезненной для самосознания российской интеллигенции была ее маргинальность, точнее социально-культурная отчужденность, по отношению к большей части населения тогдашней России, преимущественно крестьянского и в массе своей преданного идеалам традиционного общества.

Полемически заостряя факт подобного социально-психологического и культурного отчуждения, М.О.Гершензон трактует его как откровенную ненависть народа к интеллигенции, которая, по его мнению, совсем иной природы, чем любовь к барину на Западе, ибо не сводима к естественному озлоблению голодного против сытого, раба против господина. Истоки этой ненависти - в "метафизической розни", тем более глубокой, что направлена на "своих"⁸.

Будучи вестернизированным слоем на поверхности русского традиционного общества, интеллигенция выступала носителем цивилизационных начал и ментальных привычек, чуждых тогдашнему национальному архетипу. Они были завезены в Россию в жерлах пушек и на мачтах петровских фрегатов, на мозолях постигавших ремесло в Голландии русских мастеровых и в склад-

⁵ О том, сколь разителен был контраст между Российской монархией Николаевской эпохи и, к примеру, французской того же времени, см.: *Астольф де Кюстин*. Николаевская Россия. М., 1990.

⁶ См.: *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция. С. 139-140.

⁷ *Федотов Г.П.* И есть, и будет. Размышления о России и революции. С. 38.

⁸ См.: *Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Вехи. С. 101.

ках европейского платья вернувшихся из Германии дворянских детей.

Если абстрагироваться от военно-технических атрибутов западной цивилизации, которые по воле истории и вдохновляли нашего великого реформатора⁹, то главной особенностью модернизирующегося Запада, отличавшей его от российского традиционного общества, были сами конститутивные принципы организации социальной жизни. Исторически сложилось так, что сложная констелляция экономических, правовых и культурных факторов привела к тому, что, начиная с эпохи Возрождения, западный социальный универсум строится на приоритете прав личности перед любыми формами социальной организации. Подобный персонцентризм западного социума находит свое отражение в высокоразвитой правовой защите личностных прав.

Традиционный же социум системноцентричен. Самосознание даже наиболее образованных слоев российского общества оставалось во многом традиционалистским¹⁰. На подобную особенность русской жизни - полнейшую правовую незащищенность личности - указывал один из наиболее выдающихся русских юристов прошлого века К.Д.Кавелин в статье "Взгляд на юридический быт в древней Руси", опубликованной еще в 1847 году на страницах журнала "Современник". Он одним из первых отметил тот факт, что в истории русских правовых институтов личность всегда заслонялась семьей, общиной, государством и не получила своего правового определения. На основе подобной правовой и фактической незащищенности личности складывался целый комплекс ментальных привычек и социальных эмоций, так поразивших путешествовавшего по николаевской России французского маркиза Астольфа де Кюстина и отраженных в его путевых заметках¹⁰.

⁹ См.: *Ключевский В.О. Исторические портреты.* М., 1991. С. 163-173.

⁹ Исследователи, правда, отмечают несколько неудачных попыток ввести в России гарантии личных свобод еще до петровской модернизации. Первая исходила из окружения "тишайшего" Алексея Михайловича, вторая была предпринята спустя два десятилетия после его смерти (см.: *Обалонский А. Перекрестки российской истории: упущенные шансы // Общественные науки и современность.* 1992. N 3).

¹⁰ Де Кюстин, в частности, отмечает разлитое в воздухе самодержавной России стойкое ощущение страха, присущее не только подданным, но и самому монарху и являющееся резким и ужасающим контрастом самому самодержавию. "Абсолютная власть, - замечает де Кюстин, - становится слишком страшной, когда сама испытывает страх перед окружающим" (*Астольф де Кюстин. Николаевская Россия.* С. 104).

Размывание в вестернизированном сознании интеллигенции традиционных, привычных, "теплых" форм человеческой солидарности¹¹, пронизывавших жизнь и быт большинства населения тогдашней России, уважаемых "старым" образованным классом, и лежало в основе того, что М.О.Гершензон обозначил какходящую до ненависти метафизическую разнь интеллигенции и народа.

Самою же интеллигенцией подобная "рознь", социально-культурное отчуждение от традиционалистского национального архетипа переживалась как своего рода "экзистенциальная вина", заставлявшая ее колебаться между революционаристским патернализмом и религией народопоклонства. В подобной констатации и заключен социально-правственный смысл определения русской интеллигенции, нашедший свое отражение в "Вехах".

Прояснив - путем сопоставления с веберовским - далеко не однозначное определение русской интеллигенции, вернемся к исходному тезису, сформулированному в начале статьи. Вчитываясь в исполненные высокого правственного пафоса памфлеты покаяния, невольно поражаешься совпадению портретных черт русской интеллигенции, "делавшей", по выражению П.Б.Струве, революцию 1905 г., с тем, что ныне принято называть характеристиками тоталитарного менталитета. Воистину тени зазеркального мира оживают в сознании тоталитарной личности.

Справедливо замечено, что, в отличие от традиционного деспотизма, тоталитаризм отнюдь не стремится выключить массы из политической жизни. Напротив, он предельно идеологизирует и политизирует сознание, доводя его буквально до состояния псевдорелигиозного экстаза¹². Апофеоз политического начала в общественной жизни, отраженный в тоталитарном "новоязе" (Дж.Оруэлл) как бесконечное клиширование различного рода "битв", "фронтов", "борьбы" и "ударных дел", психологии чрезвычайности, влечет за собою пренебрежение к повседневной жизни как величине исчезающе малой, откровенно презрительному от-

11 Персоноцентристскую ориентацию самосознания интеллигенции вполне иллюстрируют следующие высказывания М.О.Гершензона: "Эгоизм, самоутверждение - великая сила; именно она делает западную буржуатию могучим бессознательным орудием Божьего дела на Земле", "Будь в России хоть горсть цельных людей с развитым самосознанием, в которых высокий строй мыслей органически претворен в личность, - деспотизм был бы немислим" (*Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. С. 107, 93*).

12 См.: *Панарин А.С. Революция и реформация. С. 217.*

ношению к задачам нравственного самовоспитания, осуждаемого как проявление эгоизма и узости общественных интересов.

Именно на такую особенность интеллигентского самосознания и направленности ее идейного воздействия на массы указывает в своей "веховской" статье П.Б.Струве. Самую большую ошибку - не тактическую и не политическую даже, но моральную, отягощенную политическим легкомыслием и неделовитостью - он усматривает в том, что русская интеллигенция подменяла политическое воспитание масс их политическим возбуждением. Предъявляя самые радикальные требования, она решительно звала народ к действиям, не обременяя себя вопросами о его готовности к ним. Между тем, еще А. де Токвиль, анализируя опыт французской революции 1789 г., отмечал, что форсированная демократия, не подкрепленная демократическими традициями и культурой, основанной на уважении прав меньшинства, может вести к самой худшей форме тирании - тирании черни, "грядущего хама" (Д.С.Мережковский), охлократии, на смену которой приходит еще более жестокая тирания.

В результате подобной пропаганды соблазн практически осуществленного в тоталитарном режиме реванша слабых над сильными, архетипически предугаданный и перманентно присутствующий в любой культуре¹³, на волне политического возбуждения масс чрезвычайно активизируется. Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов, замечает П.Б.Струве, совершилась с ошеломляющей быстротой. Сводя политику к внешнему устройству жизни, продолжает он, интеллигенция видела в ней альфу и омегу всего бытия, своего и народного. Таким образом, ограниченное средство превращалось во всеобъемлющую цель - явное, хотя и постоянно в человеческом обиходе встречающееся извращение соотношения между средством и целью. Вполне естественно поэтому, что "никто не жил - все делали (или делали вид, что делали) общественное дело... Все сознания высыпали на площадь, ...голося и перебраниваясь. Дома - грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях, он спасает народ, да оно и легче и занятнее, чем черная работа дома"¹⁴. А в целом, замечает М.О.Гершензон, "интеллигентский быт ужасен; подлинная мерзость запустения, ни малейшей дисциплины, наивная недоброеосвестность в работе, в общественных делах необузданная

¹³ См.: Панагин А.С. Революция и реформация. С. 217.

¹⁴ Струве П.Б. Интеллигенция и революция. С. 148-149.

склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности, перед властью - то гордый вызов, то покладливость, - не коллективная, - я не о ней говорю, а личная"¹⁵.

Переводя подобные размышления в сферу жизни духа, С.Булгаков замечает, что вообще понятия личной нравственности, личного самоусовершенствования, личности в собственном смысле слова крайне непопулярны среди современной ему интеллигенции. Зато поистине сакраментальный, почти мистический характер носит слово "общественный". И хотя само интеллигентское мироощущение представляет собою самоутверждение личности, в своих теориях интеллигенция нещадно гонит эту самую личность, сводя ее без остатка - в духе просветительства - на влияние среды и стихийных сил истории. Поэтому она глуха ко всему, в чем заключено здоровое ядро личного самоуглубления, будь то христианское учение или даже учение Л.Толстого¹⁶. А по образному замечанию М.О.Гершензона, русский интеллигент - это прежде всего человек, с юных лет живущий вне себя, спаружи в буквальном смысле слова, т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто, лежащее вне его личности - народ, общество, государство; думать о своей личности - эгоизм и непристойность. Настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном¹⁷. Разумеется, замечает автор, число интеллигентов, практически осуществлявших эту программу, было ничтожно, но святость знамени признавали все.

Известно, что тоталитаризм ведет к упрощению культуры¹⁸, ее подгонке под идеологически востребованные образцы. Для этого, - как полагают, - употребляется два главных ритуально предвосхищенных (имеются в виду архаические ритуалы статусной инверсии - Н.С.) средства: максимальное подавление сильных, выдающихся и постоянные кампании, имеющие целью структурное упрощение общества, упразднение в экономике, политике, культуре всего того, что способно озадачить "нищих духом" и породить новую их зависимость от способных и квалифицированных¹⁹.

А теперь обратимся к "Вехам". "Русский интеллигент, - замечает С.Л.Франк, - испытывает положительную любовь к упроще-

15 Гершензон М.О. Творческое самосознание. С. 94.

16 См.: Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. С. 64.

17 См.: Гершензон М.О. Творческое самосознание. С. 85-86.

18 См.: Козлова Н.Н. Упрощение - знак эпохи? // Социол. исследования. 1990. № 7; *её же*. Идеологизация науки привела к упрощению культуры // Ответственные науки и современность. 1991. № 2.

19 Панарин А.С. Революция и реформация. С. 217.

нию, обеднению, сужению жизни; будучи реформатором, он вместе с тем прежде всего монах, ненавидящий мирскую суету и мирские забавы, всякую роскошь, материальную и духовную, всякое богатство и прочность, всякую мощь и производительность. Он любит слабых, бедных и нищих духом не только как несчастных, помочь которым - значит сделать из них сильных и богатых, т.е. уничтожить их как социальный или духовный тип, - он любит их именно как идеальный тип людей²⁰. Его влечет идеал убогой и невинной жизни. "Иванушка-дурачок, блаженненький, сердечной простотой и наивностью побеждающий всех сильных, богатых и умелых... это и есть герой русской интеллигенции"²¹. Душа ее социалистического учения - это идеал распределения. Поэтому не создание максимально благоприятных условий для производства и творчества, но насильственное установление равенства в пользовании наличными благами олицетворяет в "интеллигентской правде" (Н.Бердяев) идеал справедливого жизнеустройства.

Однако если в оценке материального богатства аскетизм сталкивается с утилитаризмом и противодействует ему, то в оценке богатства духовного аскетическое самоограничение поддерживается нигилистической установкой, и оба мотива сотрудничают в обосновании отрицательного отношения к культуре, в принципиальном оправдании и укреплении варварства²².

Едва ли сейчас кто-либо вспомнит о том, что перестройка советского общества на основах демократии началась с попыток претворения в жизнь провозглашенного реформаторами лозунга правового государства. Под этим подразумевалось, что государство в лице своих властных структур должно выступать не только ответственным субъектом права, но и равноправным объектом правовой регуляции, не более привилегированным, чем его граждане.

Подобная идея единого и однородного правового пространства, принимаемая на Западе как "естественная установка", совершенно чужда тоталитарной власти, унаследовавшей от диктатуры пролетариата необременительную привычку не обременять себя исполнением законов.

Поразительное отсутствие даже зачатков правовой культуры у интеллигенции констатирует на страницах "Вех" Б.А.Кистяковский. Ссылаясь на документы I съезда РСДРП, он показывает, что даже идейные вожди и руководители партии ча-

20 Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. С. 177.

21 Там же. С. 178.

22 См.: Вехи. С. 178.

сто отстаивали положения, противоречащие элементарным принципам права. А в целом, замечает он, русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности, из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоде. Причем некоторые, например Герцен, видели в этом даже некоторое преимущество русской души, - отсутствие в ней "вексельной честности" западноевропейского буржуа. Ибо гарантия есть зло. Там, где она нужна, нет добра. Так пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем строить ее с помощью зла. Поэтому и собственные организации интеллигенции представляли собою подражание деспотическим порядкам, характеризующим государственную жизнь России. Принятый II съездом устав партии, например, не только не гарантировал членам партии никаких личных прав, но и ввел внутри партии нечто вроде "осадного положения" (В.И. Ленин). Но если партия, состоящая из интеллигентных республиканцев, не может обходиться без осадного положения и исключительных мер, то становится понятным, замечает Б.А. Кистяковский, почему Россия до сих пор управляется при помощи чрезвычайной охраны и военного положения. "Можно сказать, - резюмирует он, - что правосознание нашей интеллигенции находится на уровне развития, соответствующего формам полицейской государственности. Все типичные черты последней отражаются на склонностях нашей интеллигенции к формализму и бюрократии"²³ (подч. мною - Н.С.).

Подобное эмпирически фиксируемое совпадение типологических характеристик тоталитарной личности и самосознания дооктябрьского поколения российской интеллигенции - факт многозначительный. Для его объяснения необходим социально-философский анализ того типа общественной связи, в контексте которой характеристики чрезвычайно тонкого, поверхностного слоя российского общества приобрели всеобъемлющее значение в качестве типологических черт личности, персонифицирующей тоталитарный режим. В таком анализе обнаруживаются те социально-культурные доминанты, под знаком которых формируется исторически своеобразный, но воспроизводимый на основе аналогичного типа социальной связи тоталитарный менталитет.

Тоталитаризм как политическая технология предполагает наличие определенного псевдотеократического контекста: альянса политической и духовной власти. В качестве инструмента духовного принуждения у нас выступал марксизм-ленинизм. Именно он играл роль той глобальной социальной концепции (не являясь

23 Кистяковский Б.А. В защиту права // Век. С. 126.

гической апелляцией к интересам народа. В рамках подобного типа рациональности вся социальная жизнь, включая сферу повседневности и жизненного мира человека, выступала в качестве подлежащего всестороннему регламентированию всеобщего объекта управления. Патерналистское же начало реализовалось в существовании социальной инстанции, присвоившей себе право знать интересы народа лучше его самого. При этом степень жестокости и репрессивности подобного управления, идеологически апеллирующего к железным законам исторической необходимости (блестяще раскритикованных К.Поппером в "Ницше историзма"²⁶), пропорциональна темпам догоняющей модернизации, стремлением подогнать историю.

Субъектом, т.е. носителем, выразителем и апологетом подобного типа рациональности, и оказалась "новая интеллигенция", ставшая у руля идеологического обеспечения тоталитарного режима. Представители "старой" гуманитарной интеллигенции, оказавшись перед дилеммой физического вымирания и эмиграции, практически сошли с исторической сцены России еще в начале 20-х годов. По прямому указанию главы "самого интеллигентного в мире правительства" "философский пароход" вывез из страны последних из наиболее заметных ее представителей. О трагической судьбе церковной интеллигенции хорошо известно. Поводом для расправы с нею стал голод 20-х годов, практически полностью уничтоживший ее как слой русского образованного класса. Так пришедшая к власти "новая интеллигенция" расквиталась со "старой", которая, по словам М.О.Гершензона, не только отказывалась благословить ее дело, но и смотрела на него с отвращением²⁷.

К середине 20-х годов, таким образом, в структуре духовного производства России произошел мощный культурно-антропологический сдвиг: ликвидация "многоукладности", социально-культурного многообразия русского образованного класса, редукция его к интеллигенции в том ее значении, о котором говорилось ранее. Место немногочисленного, но духовно господствующего "старого" образованного класса России, ведущего свою родословную едва ли не от Ярослава Мудрого, заняла интеллигенция марксистских кружков и большевистского подполья, маргинальная дооктябрьскому российскому обществу. Ликвидация исходного социально-культурного многообразия - генофонда культуры - пу-

²⁶ См.: *Поппер К. Ницше историзма* // *Вопр. философии*. 1962. № 8-9.

²⁷ См.: *Гершензон М.О. Творческое самосознание*. С. 97.

тем физического уничтожения его носителей обеспечила мощный социальный фундамент последующего упрощения культуры.

Утвердив свою монополию в духовной сфере, "новая интеллигенция" активно рекрутировала себе подобных из рабоче-крестьянской среды - тех, кто постигал грамоту на полигических лозунгах, на рабфаках и в избах-читальнях. Критериями отбора были, как известно, социальное происхождение и идейная закалка. Именно эта "новая интеллигенция" стала социальной опорой идеалов массовой "народной науки" и классовой "пролетарской культуры", на которую равнялись немногочисленные "попугачики".

Бойко рассуждавшие о классовой борьбе в Германии и во Франции, не умея показать их на карте, они охотно поставили свое перо на службу новой, близкой им по духу и социальному происхождению власти. Подобная "служба" и обеспечивала им необходимую социальную легитимацию, ощущение полезности обществу и причастности к великим переменам. Так "новая интеллигенция" удивительным образом повторила опыт петровской бюрократии, которой ранее противостояла как интеллигенция в собственном смысле слова.

Такова трагическая метаморфоза интеллигентского сознания - от прямой оппозиции политической власти в дооктябрьский период до ценностной ориентации на альянс с государственной элитой для насаждения жесткой социальной технологии после Октября. Подобной метаморфозой объясняется неистижимый для западного интеллектуала факт, почему советская интеллигенция не встала в оппозицию сталинскому тоталитаризму. Коммунистическое государство было создано руками и разумом российской интеллигенции, его характеристики были ее собственным детищем, проекцией ее ценностей и отражением ее социально-психологических характеристик.

Однако подобный симбиоз существенно ограничил ее социальные возможности как фермента культуры. Он отнял у нее социальное пространство самоорганизации, реализации своих групповых и профессиональных интересов, навязав единственно возможную форму социальной идентификации - государственную. Поэтому распад структур тоталитарной власти, означающий политическое и духовное раскрепощение интеллигенции, влечет за собою самое тяжкое для нее испытание - испытание свободой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.Бельи

Правда о русской интеллигенции (По поводу сборника "Вехи")

"С русской интеллигенцией в силу положения ее случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнилельной справедливости... парализовала любовь к истине..." (Бердяев). "Интеллигенция не хочет допустить, что в личности заключена живая творческая энергия, и остается глуха ко всему, что к этой проблеме приближается..." (Булгаков). "Свободны были...наши великие художники, и, естественно, чем подлиннее был талант, тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской... морали..." (Гершензон). "Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности" (Кистяковский). "Отрицая государство, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального и эмпирического..." (Струве). "Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента..." (Франк). "Средний массовый интеллигент... большей частью не любит своего дела и не знает его. Он - плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист..." (Изгосв).

Вышла замечательная книга "Вехи". Несколько русских интеллигентов сказали горькие слова о себе, о нас; слова их проникнуты живым огнем и любовью к истине; имена участников сборника гарантируют нас от подозрения видеть в их словах выражение какой бы то ни было провокации; тем не менее, печать уже над ними учинила суд; поднялся скандал в "благородном семействе": этим судом печать доказала, что она существует не как орган известной политической партии, а как выражение вне партийного целого, подчиняющего стремление к истине идеологическому бытию; поднялась инсинуация: "Вехи", де, шаг направо; тут, де, замаскированное черносотенство; печать ответила авторам "Вех" не добросовестным разбором их положений, а восно-

полевым расстрелом сборника; тем не менее, "Вехи" читаются интеллигенцией: русская интеллигенция не может не видеть явной правдивости авторов и красноречивой правды о себе самой; но устами своих глашатаев интеллигенция перенесла центр обвинений в себя, как целое, на семь злополучных авторов. Элемент самогипноза всегда присутствовал в русской интеллигенции; она права всегда и во всем: русская революция удалась, русский марксизм не переживает никакого распада, Лавров и Елисеев трезвее Гоголя, Толстого, Достоевского, никакого Азефа не было - мы во всем правы; а если был Азеф, если русская революция не удалась, если Гоголь, Толстой, Достоевский заблудились в исканиях, - виноваты вы, авторы "Вех". Приходится согласиться с Бердяевым, что у апологетов русской интеллигенции парализована любовь к истине. Допустим, что правы голоса апологетов русской интеллигенции, а авторы "Вех" во всем заблуждаются; но, во-первых, интеллигенция, как умственно привилегированное сословие, не нуждается в оправдании; у нее много заслуг перед русским народом: умение жертвовать собой, страдать и не отрекаться от своих идеалов; но тут нет еще элемента созидания, нет действительности. Несправедливым судом над "Вехами" русская печать доказала, что она недопустимо пристрастна; авторы "Вех" и не думали вовсе судить интеллигенцию; они указали лишь на то, что прештатствует русскому интеллигенту из раба отвлеченных мечтаний о свободе стать ее творцом; но, оказывается, авторы "Вех" не имели на это никакого права, несмотря на то, что Булгаков, Бердяев, Струве одни из первых действительно пережили ту идеологию, которая впоследствии стала идеологией чуть ли не всей русской интеллигенции; казалось бы, следовало принять во внимание личности авторов "Вех", чтобы понять, что горькая правда осуждаемых статей - не суд, а призыв к самоуглублению. Но ни личности авторов, ни призыв к самоуглублению ничего не говорят "военно-полевому суду" от интеллигенции; личности, доводы тут не причем. Глубоко прав С.Н.Булгаков, когда утверждает: "Интеллигенция не хочет допустить, что в личности заключена живая творческая энергия, и остается глуха ко всему, что к этой проблеме приближается..." Интеллигенция - эта духовная буржуазия - давно осознала себя как класс; остается думать, что идеологи ее часто бывают ею инспирированы; ведь она пишет себе самой о себе самой; пресса - угодливое зеркало русской интеллигенции; еще недавно правдивое, теперь, когда лучшие представители ее лишены возможности свободно высказаться, зеркало стало зеркалом хамским; реакция и усталость развратили прессу; в негодовании прессы по поводу выхода "Вех"

слышатся иногда те же ноты, какие слышатся в негодовании лицемерных развратников при виде наготы; нагота, в которой предстают нам подчас слова авторов "Вех", должна раздражать развратных любителей прикровенного слова: прикровенное слово сперва извратило смысл статей Бердяева, Гершензона, Струве и др., а потом совершило над ним варварскую расправу.

В отношении к "Вехам" нет свободы суждений; есть боязнь быть заподозренным в ретроградстве; истинная свобода, как и любовь, не имеет страха; она исповедует себя открыто. Мы устали от двусмысленных экивоков по поводу "нашего положения"; если мы сами не сумели "создать себе положение", мы должны повысить уровень русской культуры; культура и свобода - синонимы; русская интеллигенция, считая себя носителем свободлюбивых идей, и относилась и относится часто с недопустимым варварством к культурным ценностям; мы, например, не ценим ценностей философских; беззаветная отдача задачам искусства встречает со стороны интеллигенции - молчаливое осуждение, а со стороны развратной прессы - травлю и улюлюканье. Мы прежде всего не знаем, что есть интерес к вопросам теоретической философии, и вовсе не знаем мы, что есть искусство. И потому-то тысячу раз прав М.О.Гершензон, когда говорит: "Свободны были...наши великие художники, и, естественно, чем подлиннее был талант, тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской морали". Наши художники знали и знают, что надо всей их деятельностью учрежден сыск; добровольные сыщики от общественности и провокаторы прессы, руководимые каким-нибудь Азефом журналистики, освистывают гоголевскую "Женитьбу", чтобы потом встать на защиту этой "Женитьбы" перед больным, умирающим Гоголем; так же впоследствии провокаторы эти под предлогом гоголевского юбилея, не стесняются устроить скандал Брюсову; и развратная пресса рукоплещет скандалу; а общество? В эпоху создания Пушкиным наиболее зрелых своих произведений оно утверждает, что Пушкин уже устарел; в эпоху создания Толстым "Войны и мира" общество холодно относится к мировому художнику. Интеллигенция ныне возымела к искусству интерес; но интеллигенция совершенно не интеллигентна в вопросах искусства; тем не менее, мнения ее - узаконяются лицемерной прессой; всякое же самостоятельное суждение подвергается недолгой расправе; интеллигент, например, читает "Вехи" и чувствует правду; но у него нет мужества сознаться; интеллигент привык к тому, что у него есть идейные приживальщички; эти идейные приживальщички завтра отделают под орех "Вехи" и интеллигент свободней вздохнет; его тревога успокоится

под трескотню дифирамбов, которые польются по его адресу в прессе. Интеллигент читает газеты и умиляется: в таком ангело-подобном виде он там изображен; он - вершина истории, спаситель России, мерило всех эстетических и умственных ценностей; ему известны идейные запросы деревни, хотя бы всю жизнь не выезжал он из города: для чего же ему учиться, когда и так все он знает; а вот результаты всеведения: "Великий Азеф... начал свою карьеру с того, что украл несколько сот рублей, но так как он объявил, что деньги эти нужны были ему для продолжения образования, и занял в общественной жизни крайне левую позицию, то ему все простили, отнеслись к нему с полнейшим доверием" (Изгоев).

Доверие к Азефам русской действительности и военно-полевая расправа над всем оригинальным, вдумчивым, самостоятельным - из одного общего корня: стадности при отсутствии правосознания; поэтому прав Б.А.Кистяковский, когда утверждает, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности.

Отношение русской прессы к "Вехам" унижительно для самой прессы; как будто отрицается основное право писателя: правдиво мыслить; с мыслями авторов "Вех" не считаются; мысли эти не подвергаются критике: их объявляют попросту ретроградными, что равносильно для русского интеллигента моральной недоброкачественности; тут применима система застраживания и клевета.

Я не стану касаться разбора этой замечательной книги; она должна стать настольной книгой русской интеллигенции.

Я хотел только отметить ее участь: "Вехи" подверглись жестокой расправе со стороны русской критики; этой расправе подвергалось все выдающееся, что появлялось в России. Шум, возбужденный "Вехами", не скоро утихнет; это - показатель того, что книга попала в цель.

Интеллигенты об интеллигентах

М.Гершензон пишет: "Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех казней власти и благославлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще охраняет нас от ярости народной" (Вехи. С. 77).

Эту цитату я выбрал из сборника статей Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, М.О.Гершензона, Б.А.Кистяковского, П.Б.Струве, С.Л.Франка и А.С.Изгоева как самую бесспорную и самую характерную для происходящего ныне интеллигентского самосуда.

Появление такого сборника, как "Вехи", есть акт бунтовщический и дерзко-революционный в том своеобразном духовно-умственном царстве, которое именуется русской интеллигенцией, и его революционная сила направлена против тирании того идола, которому приносилось столько человеческих жертв, имя же которому политика.

Неудача той революции, на которую русский интеллигент возлагал столько упований, которая по существу называлась "интеллигентской" резолюцией, побудила умственных вождей "сонмища больных, изолированных в родной стране" оглянуться на самих себя и на свою больную, искалеченную рать. Результатом этого смотра или этой ревизии явился сборник ревизионных материалов под заглавием "Вехи", прочитать который обязательно для каждого интересующегося судьбами России.

Единство темы в данном случае объединило писателей разных толков и вер, разных практических пожеланий, темою же избран вопрос, которого нельзя было обойти, - переоценка идеалов, столько лет владевших умами и потерпевших материальное и нравственное крушение.

Новый идеал, который теперь пытаются водрузить на развалинах прежних упований, определяется так: "признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общезжития".

Для интеллигенции этот идеал был всегда чужд и потому представляется новым, но мы его всегда любили и в положительной стороне творчества Л.Н.Толстого, и в пламенной проповеди Достоевского, и, раньше всего, в началах христианского учения,

которого могли быть плохими последователями, но никогда не могли быть по интеллигентскому примеру врагами.

Нечего удивляться, что появление сборника "Вехи" произвело в интеллигентских кругах впечатление разорвавшейся бомбы, что оно явилось одновременно и "соблазном и безумием". Хотя авторами сборника оплачен входной билет для разговора со своею публикою, т.е. обругано в необходимой мере и правительство и государственный строй, это не помогло: авторов потащили в суд партийной нетерпимости, крамольность их воззрений была установлена с военно-полевой скоростью и неблагонадежность их провозглашена с торжественностью, которой повредила разве некоторая поспешность приговора.

Тем не менее беспощадное и суровое зеркало интеллигентской сущности осталось налицо. Оно отшлифовано терпеливыми и мастерскими руками людей правдивых и бесстрашных, а в такое зеркало всегда тянет заглянуть, хотя бы тайком и урывком. Бедная интеллигенция, - у нее нет способов изъять "вредную" книгу из обращения!

Во всяком случае появление такой самокритики, как "Вехи", является одним из первых духовных плодов тех начатков свободы, которые понемногу прививаются к русской жизни.

Организм, хотя бы государственный, должен сам и без принуждения вырабатывать внутри себя противоядия.

Призыв к покаянию

Покайтесь - и сотворите дела достойные покаяния: таков призыв, с которым участники сборника, в разных тональностях, прямо или косвенно, обращаются к русской интеллигенции. Они стараются пробудить в ней сознание сделанных ею ошибок и решимость избегать их повторения. Они проповедуют "переоценку старых идеологий", проверку "основ традиционного мировоззрения", поворот к "творческому личному самосознанию". Проповедь ведется искренно, горячо, большею частью талантливо. Она не только интересна, но и не бесполезна - не бесполезна уже потому, что лишней раз, в критический момент русской жизни, заставляет поглубже заглянуть в прошлое и задуматься над будущим. Согласиться с нею невозможно, но считаться с нею необходимо.

Начнем с вопроса, который сам собою возникает при чтении книги, посвященной русской интеллигенции. Что понимают авторы под этим термином? Несмотря на всю его употребительность, никто не назовет его настолько ясным, чтобы не оставалось никаких сомнений на счет его смысла и его границ. Не совсем одинаково, по-видимому, понимают его и сами составители сборника. Обыкновенно они рассматривают интеллигенцию, как одно нераздельное целое, но иногда дробят ее на части, отличают интеллигенцию социалистическую от интеллигенции "просто демократической", говорят об интеллигенции "революционной", "специфической", "кружковой", противопоставляют интеллигенции то "интеллигентщину", то образованный класс. Попытку более точного определения делает только П.Б.Струве, но не доводит ее до конца. Оговариваясь, что под именем интеллигенции нельзя разуметь ни "публику, посещающую дворянское собрание", ни даже "образованный класс", он видит в ней "политическую категорию", историческое значение которой обусловливается "отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении". Это отношение обрисовывается, дальше, как отщепенство, как противогосударственность - и вместе с тем как безрелигиозность. Очевидно, что здесь совершен логический скачок: вместо того, чтобы показать, из кого состоит интеллигенция, автор прямо переходит к характеристике ее мирозерцания. Не так рельефно выражен этот скачок в других статьях сборника, но

в той или иной степени он составляет общую их черту. Отсюда ряд неустранимых недоразумений. До сих пор с понятием об интеллигенции тесно, неразрывно связано было понятие об общественном слое, объединяемом не тождеством или сходством взглядов, а одинаковостью или близостью положений. В его рамки включались люди, не примыкающие - или примыкающие только внешним образом - к формально отграниченным общественным классам, люди, находящие или ищущие главное содержание своей жизни в умственных интересах - научных, философских, политических, художественных. Между ними возможны - и даже неизбежны - самые глубокие разногласия, но им всем свойственна некоторая душевная приподнятость, некоторая независимость от уз, налагаемых происхождением, воспитанием данною, а не свободно выбранною средою, вынужденным, а не свободно выбранным трудом. У интеллигенции, таким образом понимаемой, есть, конечно, общие черты, различные у разных народов и в разное время, но от них еще очень далеко до того приведения к одному знаменателю, которое производит П.Б.Струве. Отщепенство, в смысле "отчуждения от государства или враждебности к нему", может быть отличительным признаком тех или других партий, тех или других интеллигентных - или интеллигентских - групп, но отнюдь не всей интеллигенции. Отщепенцы (*refractaires*), систематические и непримиримые, везде и всегда образуют меньшинство; из них не может составить широко разветвленное целое, каким до сих пор, в общераспространенном представлении, являлась русская интеллигенция.

Зависит ли, однако, значение взглядов, проводимых составителями сборника, от того, что они понимают под именем интеллигенции? Не все ли равно, каким словом они выражают свою мысль? Нет, не все равно: неопределенность терминологии влечет за собою сбивчивость понятий и противоречия в выводах. По мнению П.Б.Струве, "интеллигенция, как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ". С.Н.Булгаков и М.О.Гершензон считают интеллигенцию "созданием Петровым". К "духовным вождям интеллигенции" Б.А.Кистяковский причисляет Кавелина, который, конечно, не был "отщепенцем". Чтобы отстоять свою позицию, П.Б.Струве старательно исключает из числа интеллигентов Пушкина, Лермонтова, Гоголя, - хотя такое исключение должно было бы разуметься для него само собою, так как они все жили до эпохи реформ; в Белинском, их современнике, он различает интеллигента от неинтеллигента. Придумывается, дальше, какой-то интеллигентский "мундир"; сначала в него облачаются Герцен и Салты-

интеллигенции в том, что в ее среде "любовь к общественному добру, к народному благу парализовала интерес и любовь к истине", привела "к утверждению двух истин - полезной и вредной". Да и П.Б.Струве выражает уверенность, что настанет конец господству политики над всей духовной жизнью интеллигенции и что в основу самой политики "ляжет идея не внешнего устройства общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека". Заметим, что в этом виде проповедь радикальной перемены затрагивает, несомненно, очень широкий круг русской интеллигенции: за "примат общественных преобразований" стояли - и, может быть, стоят до сих пор - не только "отщепенцы", но и сравнительно умеренные реформисты, вовсе не повзвизывавшие в "противогосударственности". К покаянию призывается, в сущности, громадное большинство "образованного класса".

Чтобы успешно реагировать против зла, нужно прежде всего установить его причины. Составителями сборника это сделано в весьма недостаточной мере. Об условиях, при которых сложилась и развивалась русская интеллигенция, говорится несколько раз, но только слегка и мимоходом. С.Н.Булгаков, например, признает, что "атмосфера старого режима духовно замораживала интеллигенцию, поддерживала и до известной степени оправдывала ее политический моноидеизм, затрудняла возможность разностороннего ее развития", но не останавливается на этом факте, как бы не замечая его первостепенную важность. А между тем именно в нем лежит разгадка многого, о чем сокрушаются и против чего восстают наши проповедники. Самоусовершенствование, которому они придают такое громадное значение, требует не только внутренней, но и внешней свободы. Трудно преодолимыми, - а иногда и вовсе непреодолимыми, - лежат на его пути преграды, создаваемые недоверчивостью власти, мелочной регламентацией, стремлением все направить в одно и то же русло, всех подвести под один общий, по необходимости невысокий уровень. Противодействие, встречаемое на каждом шагу, неизбежно вызывает реакцию - пассивную у одних, активную у других, но во всяком случае отвлекающую от работы над самим собою и выдвигающую на первый план обстановку, среду, государственный и общественный строй, тяжело давящий на личность. Чтобы идти вперед, чтобы подниматься со ступеньки на ступеньку, среднему человеку нужна поддержка, помощь, дружная деятельность с другими - нужно все то, к чему подозрительно и враждебно относится абсолютизм. С какими затруднениями сопряжена была у нас совместная работа, хотя бы она не задавалась ничем иным, кроме развития личности, - это слишком хорошо

известно. Один из путей к самоусовершенствованию проходит в области религии; но у нас единственно законной формой религиозного общения признавалась принадлежность к господствующей церкви, в которой едва теплилась жизнь и почти ничего не делалось для удовлетворения запросов ума и сердца. Попытка найти душевный мир в стороне от торной дороги рассматривалась как преступление или, по меньшей мере, как нарушение установленного порядка. Столь же мало, как и официальная церковь, давала, с занимающей нас точки зрения, официальная школа - и столь же трудно было восполнить ее пробелы усилиями частной инициативы. Куда бы ни направлялась свободная мысль, перед нею везде воздвигались шлагбаумы с надписью: до сих пор - и не дальше. Самоусовершенствование, достойное этого имени, не довольствуется сознанием достигнутого в личной жизни: оно порождает потребность поделиться приобретенным, использовать его для других или для общего блага. И вот той потребности суждено было, за редкими исключениями, оставаться неудовлетворенною. Не было такой сферы, где бы она ни наталкивалась на препятствия всякого рода. Удивительно ли, затем, что в русском обществе - и в интеллигенции, как в наиболее чуткой и подвижной его части, - слагалась и крепла вера в "примат общественных реформ", т.е. убеждение в том, что только на почве нового политического и общественного строя возможно всестороннее и полное развитие личности?

Никогда, однако, эта вера не принимала тех уродливых форм, в которых рисует ее, например, г. Гершензон. "До конца 90-х годов, - читаем мы в его статье, - общественное мнение, столь властное в интеллигенции, категорически уверяло, что вся тяжесть жизни происходит от политических причин: рухнет политический режим - и тотчас вместе со свободой воцарятся и здоровье, и бодрость". Быть может, кем-нибудь, когда-нибудь и был высказан подобный взгляд, но общепринятым и широко распространенным он никогда не был. Немного найдется наивных людей, способных думать, что в несколько дней может исчезнуть настроение, созданное веками. Изменение политических условий - необходимая предпосылка всякой перемены к лучшему, но, конечно, не единственный ее производитель. Работы в общественной и личной жизни, - работы, ведущей к здоровью и бодрости, - предстоит много, бесконечно много; но успешно двигаться вперед она может только при существенно обновленной обстановке. Проповедь "Вех" представляется нам поэтому по меньшей мере преждевременною. Русская государственность воз-

вратилась к той мертвой точке, на которой стояла пять лет тому назад. Слегка измененная внешность прикрывает старое политическое содержание. Личная и общественная инициатива встречает те же препятствия, как и прежде. И соответственно этому, что бы ни говорили составители сборника, в среде интеллигенции, - да и в других, более широких сферах, - по-прежнему чувствуется уверенность, что без коренных общественных реформ невозможно глубокое обновление личной жизни. *Sublata causa tollitur effectus*, - а главная причина настроения, господствовавшего в течение целых десятилетий, до сих пор не устранена. Одними словесными доводами трудно чего-либо достигнуть, пока вразрез с ними идут бесконечной чередой болезненно ощущаемые факты. "Что дала бы политическая свобода интеллигенции? - спрашивает г. Гершензон. - Освобождение есть только снятие оков, не больше; а снять цепи с того, кто страдает внутренним недугом, еще не значит вернуть ему здоровье. Для нас свобода имела бы лишь тот смысл, что поставила бы нас в более благоприятные условия для выздоровления". Да разве этого мало? Разве возможно выздоровление, пока условия для него совершенно неблагоприятны? Разве неправ больной, когда он страстно желает их изменения? Если и допустить, что интеллигенция больна, и больна именно тою болезнью, диагноз которой поставлен г. Гершензоном, то все-таки нельзя утверждать, что неудача освободительного движения принесла интеллигенции "почти всю ту пользу, какую могла бы принести его удача". Нет, Сизифов камень опять скатился вниз, и нужны новые усилия для его подъема - усилия, которые, при другом исходе борьбы, могли бы быть обращены на более плодотворную работу.

Русский интеллигент, читаем мы в статье С.Л.Франка, "приблизительно с семидесятих годов и до наших дней остается упорным народником; его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели". И все-таки, если верить другим участникам сборника, народ относится к интеллигенции безусловно отрицательно. Глубокую между ними пропасть выроет, по мнению С.Н.Булгакова, космополитизм интеллигенции, еще более глубокую - ее безрелигиозность. Еще дальше идет М.О.Гершензон. В интеллигентах, по его словам, "народ не чувствует людей"; он их "не понимает и ненавидит". На Западе "народ ненавидит барина за то, что барин живет сыто, не трудясь физически, что трудами прежних поколений народа барин накопил себе крупный излишек, который дает ему возможность держать народ в безысходном рабстве и приобретать знания, помогающие ему опять-таки эксплуатировать на-

род... Между нами и нашим народом - иная рознь. Мы для него не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы даже для него не просто чужие, как турок или француз; он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы - свои. Каковы мы есть (подчеркнуто в подлиннике), нам нельзя не только мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной".

Итак, за любовь интеллигенции к народу народ платит ей ненавистью, свирепую и неумолимою. Если принять это за бесспорный факт, то сам собою рождается вопрос: не лежит ли в его основе глубокое недоразумение? Знает ли народ интеллигенцию, ее прошедшее и настоящее, ее стремления и чувства? Не смешивает ли он ее с другими общественными классами, к которым она, по наружному виду, по внешним признакам, стоит ближе, чем к народу? И не настал ли - или, по меньшей мере, не приближается ли - конец недоразумения? Статочное ли дело, чтобы любви сознательно противопоставлялась ненависть? Мы не беремся ответить на все эти вопросы с тою категоричностью, которая слышится в словах г. Гершензона; но мы думаем, что именно в них заключается ключ к решению загадки. Сходные причины всегда ведут к сходным последствиям. Та почва, на которой выросло у наших западных соседей недоверие и нерасположение массы к привилегированному меньшинству, существовала - да отчасти и теперь существует - и в России. Крепостное право воспитало в крестьянах недружелюбное чувство к барину, - чувство, для искоренения которого в течение полувека сделано было, к несчастью, слишком мало. Видоизменяясь и захватывая новые сферы, - проникая, например, в среду городского рабочего класса, - оно уцелело до наших дней и предрешило, отчасти, отношение народа к интеллигенции, представителей которой он причислял и до сих пор часто причисляет к барам, к господам. Что сделала и что пыталась сделать для народа интеллигенция, как мало ее стремления имели и имеют общего с традициями барства, - этого народ долго не знал вовсе, да и теперь знает не всегда и не вполне. Предположение г. Гершензона о какой-то особой, страстной злобе, которую народ питает к интеллигенции - и будет пугать, пока они не станут совершенно иными, - относится, как нам кажется, к области фантазии. Мы убеждены, что пропасть, отделявшая народ от интеллигенции, уже теперь не может считаться

непроходимой - и должна уменьшаться с каждым днем, по мере того, как будет "уступать свету мрак упрямый".

Усиленно подчеркивая слабые стороны интеллигенции, составители сборника видят в них если не единственную, то важнейшую причину неудачи, постигшей освободительное движение. По словам С.Н.Булгакова, это движение не могло победить не только потому, что "оказалось слишком слабо для борьбы с темными силами истории, но и потому, что само оказалось не на высоте своего призвания, само страдало слабостью от внутренних противоречий". А так как "руководящим духовным двигателем революции была интеллигенция", то "история революции есть исторический суд над интеллигенцией". "Глубочайший культурно-философский смысл судьбы общественного движения последних лет", говорит С.Л.Франк, заключается в том, что "обнаружилась несостоятельность мировоззрения и всего духовного склада русской интеллигенции". П.Б.Струве считает интеллигенцию главной виновницей не только того, что революцию "делали плохо", но и того, что ее вообще делали, тогда как "вся задача состояла в сосредоточении усилий на политическом воспитании и самовоспитании". Всесторонняя оценка всех этих утверждений, - авторами не столько обоснованных, сколько провозглашенных, - не входит в состав нашей задачи; ограничимся немногими замечаниями. Именно здесь раскрывается с особенной ясностью основной дефект сборника: неопределенность понятия об интеллигенции. Ведь не все же верившие в "примат общественных реформ", даже не все "противогосударственники" и "отщепенцы" играли одинаковую роль в движении, стремились к одним и тем же целям; действовали одними и теми же средствами. Ответственность, - насколько о ней в данном случае может идти речь, - падает на участников движения далеко не равномерно; привлечение к ней огульно всей интеллигенции противоречит и справедливости, и очевидности. Не такими поспешными обобщениями можно предвосхищать суд истории, который для русской революции вообще еще не наступил и едва ли наступит скоро. И слыханное ли дело, чтобы в такие критические минуты, какие переживала Россия в 1904-6 гг., общественное внимание сосредоточивалось на вопросах воспитания и самовоспитания? Характер революции освободительное движение получило именно потому, что слишком долго был закрыт для русских граждан доступ к государственной деятельности и до крайности затруднено даже ее обсуждение, даже ближайшее знакомство с нею. Русское общество не прошло в свое время через политическую школу - и это не могло не сказаться, когда внезапно раздвину-

нулась политическая сцена и пали окружавшие ее перегородки. Ошибки были неизбежны, и мы не отрицаем, что их было сделано немало; но в чем коренятся их отдаленные и ближайшие причины, кому и в какой мере они должны быть вменены в вину, - это вопрос, к решению которого составители сборника подошли с предвзятой мыслью и с слишком упрощенными приемами.

"Несостоятельностью мировоззрения и всего духовного склада интеллигенции" авторы разбираемых нами статей объясняют не только неудачу освободительного движения, но и целый ряд последующих явлений. "Многие удивленно стоят теперь, - говорит С.Н.Булгаков, - перед переменой настроений, совершившейся на протяжении последних лет, от настроения героически-революционного к нигилистическому и порнографическому, а также перед эпидемией самоубийств, которую ошибочно объяснять только политической реакцией и тяжелыми впечатлениями русской жизни. Но это чередование и эта истеричность представляются естественными для интеллигенции, и она не менялась при этом в своем существе". "Интеллигентским просветителям", "опустошающим" народную душу, С.Н.Булгаков приписывает реакцию этой души "в виде роста преступности сначала под идейным предлогом, а потом и без этого предлога". "Народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь, - читаем мы в статье П.Б.Струве, - в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию". "Как объяснить, - спрашивает С.Л.Франк, - что чистая и честная русская интеллигенция, воспитанная на проповеди лучших людей, способна была хоть на мгновение опуститься до грабежей и животной разнузданности? Отчего политические преступления так незаметно слились с уголовными и отчего "санинство" и вульгаризированная "проблема пола" как-то идейко сплелись с революционностью?"... Дальше идет речь о противоречии "между общезобязательным характером интеллигентской веры и нигилистически-беспринципным ее содержанием". Из него вытекает "чудовищная, морально недопустимая непоследовательность в отношении к террору правому и левому, к погромам черным и красным"... Утверждая, что "русская интеллигенция в течение многих лет являла собою своеобразный монашеский орден людей, обрекших себя на смерть", А.С.Изгоев приходит к следующему выводу: "принцип иди и умирай, пока он руководил поступками немногих, избранных людей, мог еще держать их на огромной нравственной высоте; но когда круг обреченных расширился, внутренняя логика неизбежно должна была привести к тому, что в России и случилось, - ко всей этой грязи, убийствам, грабегам, воровству, вляческому

распутству и провокации". Если верить М.О.Гершензону, "интеллигентский быт, в целом, ужасен, подлинная мерзость запустения - праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, грязь и хаос в брачных и вообще половых отношениях, наивная недобросовестность в работе".

На чью мельницу льют воду все подобные уверения, - это не требует пояснений. Конечно, правду нужно раскрывать во что бы то ни стало; но чем опаснее ближайшние последствия разоблачений, тем осторожнее следует приступать к ним, тем внимательнее взвешивать каждое их слово. Этому требованию не удовлетворяют только что приведенные нами цитаты. Совершенно очевидна беспочвенность обобщения, сделанного г. Гершензоном. "Интеллигентского быта", как чего-то характеризующего целую многочисленную группу (всех верующих в "примат общественных реформ"), нет и быть не может: "интеллигенция", - как бы ни понимать этот термин, - обнимает собою множество групп, существенно различных между собою по привычкам, по духовному складу, по образу жизни. Отталкивающая картина, нарисованная г. Гершензоном, верна, быть может, по отношению к тому или другому "интеллигентскому" кружку, существовавшему когда-то или существующему в настоящее время; но она не имеет ничего общего с интеллигенцией, рассматриваемой как сколько-нибудь крупное целое... А "чудовищная непоследовательность в отношении к террору красному и черному" - разве она может быть вменена в вину всей интеллигенции? Разве в среде интеллигенции не высказывались диаметрально противоположные взгляды по этому вопросу? Даже в тех кружках, где противоречие, указанное г. Франком, несомненно существовало, разве оно не возбуждало тяжелой внутренней борьбы, разве не делалось попыток к его устранению? И разве оправдание террора, как оно ни несостоятельно само по себе, равносильно оправданию грабежа, воровства, животной разнузданности? Разве эксцессы, омрачившие аграрное движение, не имели прецедентов в такие эпохи, когда о влиянии "интеллигентов" на народную душу не было и речи, когда интеллигенция вовсе даже не существовала? Разве в подъеме порнографической волны повинны сколько-нибудь широкие круги интеллигенции и разве не из среды интеллигенции вышла реакция, так быстро похитившая конец эфемерному торжеству порнографии?.. Каковы бы ни были ошибки и преступления интеллигенции - или, лучше сказать, ошибки и преступления различных групп, объединяемых этим словом, - главное, тягчайшее

обвинение, взведенное на нее в "Вехах", должно быть признано не только недоказанным, но безусловно несправедливым.

Мы далеки от мысли, чтобы вся ответственность за неудачу освободительного движения должна была пасть на победителей. Во многом, без сомнения, виноваты и побежденные, но для определения рода и степени их вины необходимы совсем другие приемы, чем пущенные в ход авторами "Вех". Необходима дифференциация элементов, смешанных здесь в одну кучу; необходимо установить роль каждого из них, проследить ее источники в прошлом и оценить ее значение в "дни свободы", в дни колебаний и в дни реакции. Тогда, быть может, подтвердятся некоторые - немногие - положения, выдвинутые составителями сборника, но подтвердятся по отношению к точно определенным и отграниченным группам. Только тогда получится более твердое основание для "гороскопов", бросающих свет на будущее. Попыток, в этом направлении, сделано в "Вехах" немало, но общий их недостаток - крайняя неопределенность. К этой стороне сборника мы постараемся возвратиться.

Интеллигенция на скамье подсудимых

Большой, разделенный на отдельные статьи, обвинительный акт. На скамье подсудимых - русская интеллигенция. Много преступлений сотворила она, много грехов легло на ее душу, и наступил, наконец, час расплаты. "От муки тяжкой, от казни лютой ей не уйти". Ее учение, оторванное от мировых философских традиций, преследует практическую пользу; сама она оторвана от народа, атеистична; имеет на своей палитре лишь две краски: черную - для прошлого и розовую - для будущего; не умеет распознавать элементов национальной самобытности в истине, открытой лучшими русскими умами; не развила в себе правосознания; больна безрелигиозным отщепенством от государства, моральным легкомыслием; не продумала национальной идеи и т.д., и т.д. Преступлений много, - список мог бы расти и расти.

Однако почему обвинительный акт написан только теперь? Ведь преступления совершались давно, - за некоторыми из них числится более столетия, другие тоже имеют почтенный возраст в десятки лет; почему только теперь назначен суд и преступники посажены на скамью подсудимых? Должно же было случиться нечто, особенно возмущившее совесть судей, чтобы мирное попустительство превратилось в суровое гонение?

Когда мы разбираемся в упреках, обвинениях, осуждениях, направленных по адресу интеллигенции, мы почти в каждой статье находим один главный пункт, указывающий на причины возбуждения следствия и суда. Всего прямее и открытее излагает этот пункт г. Струве, но его мысль является в действительности отправным пунктом почти каждой статьи, тем основным аргументом, без которого все остальные - ничто. Интеллигенция показала свое банкротство во время революции; она потребовала много и не добилась ничего; мы остаемся у старого корыта. Вот - тягчайшая вина; вот - повод для возбуждения следствия против интеллигенции.

Многие обвинения, выдвигаемые авторами статей против интеллигенции, несомненно, справедливы. Едва ли кто-нибудь станет спорить, например, с г. Булгаковым, когда он говорит о мечтательности, как о свойстве нашей интеллигенции, как о неизбежном продукте оторванности последней от окружающей дей-

ствительности. Едва ли будет кто-нибудь оспаривать и ссылки г. Кистяковского на историю нашей интеллигенции, часто равнодушной к "правовым интересам личности". Немного возражений вызовет и утверждение г. Струве, что у нас "революцию делали плохо". И в длинной прошлой истории нашей интеллигенции, и в деяниях самых последних лет авторы статей отмечают столько несомненно отрицательного, бесспорно нежелательного, что правоту их в этом отношении, казалось бы, нельзя заподозрить. И, однако, когда вы одну за другой читаете статьи сборника, вы чувствуете, как в вас поднимается протест, как вы готовы кричать: нет, неправда, неверно! И когда вы разбираетесь в своем чувстве, вы видите, что оно относится не только к тому, что рядом со справедливыми обвинениями стоят вздорные; главным образом оно относится к неразборчивости прокуроров, к их стремлению обвинять во что бы то ни стало, с одной стороны, к предлагаемым средствам исправления интеллигенции - с другой.

Первое, что поражает вас, - неустойчивость самого термина "интеллигенция". Г. Струве, например, награждает этим названием только людей, носящих в себе революционно-социалистический идеал. Новиков, Радищев, Тургенев, Чехов - не интеллигенты. Белинский и Герцен старались быть интеллигентами, но славны и велики они не своим интеллигентским обликом; Салтыков только носит на себе мундир интеллигента, но на самом деле "вовсе не интеллигент". Следовательно, число обвиняемых, посаженных на скамью подсудимых, становится ограничено. Но вот г. Кистяковский, говоря о духовных вождях русской интеллигенции, привлекает к допросу Кавелина, и число обвиняемых вследствие этого страшно увеличивается. Уже не о "мундирах интеллигента" идет дело, а о действительно гибельном духовном руководительстве. А г. Булгаков считает Белинского чуть ли отцом лжи; г. Гершензон, по-видимому, готов назвать интеллигенцией все то, что ведет жизнь так называемой богемы. "В целом, - говорит он, - интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения, ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внешнем; день уходит неизвестно на что, сегодня так, а завтра - по вдохновению, - все вверх ногами; праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, грязь и хаос в брачных и вообще половых отношениях, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности, перед властью - то гордый вызов, то покладистость, - не коллективная, - я не о ней говорю, - а личная"... Очевидно, что под это определение интеллигенции не подойдут не

интеллигенции? "Интеллигент, особенно временами, впадал в состояние героического экстаза, с явно истерическим оттенком. Россия должна быть спасена, и спасителем ее (в представлении отдельного интеллигента) может и должна явиться интеллигенция вообще, и даже имя рек в частности, и помимо его нет спасителя и нет спасения".

Это все совершенно справедливо. Надежда на себя, на свои силы, на свое провиденциальное назначение в деле спасения России составляет неоспоримую принадлежность нашей интеллигенции. "Горько думать, - продолжает г. Булгаков, - как много отраженного влияния полицейского режима в психологии русского интеллигентского героизма, как велико было его влияние не на внешние только судьбы людей, но и на их души, на их мировоззрение... Если юный интеллигент, - скажем, студент или курсистка, - еще имеет сомнение в том, что он созрел уже для исторической миссии спасителя отечества, то признание этой зрелости со стороны министерства внутренних дел обычно устраняет эти сомнения". В результате - "пэдократия" (господство детей). "Духовная пэдократия, - говорит г. Булгаков, - есть величайшее зло нашего общества, а вместе и симптоматическое проявление интеллигентского героизма, его основных черт, но в подчеркнутом и утрированном виде". И это - правда. Действительно, идейное "господство детей" является странной ненормальностью в общественной жизни и потому злом, чреватым новыми, еще большими ненормальностями. Но вполне оценить ненормальность можно только в связи с производящими ее причинами, которые только и могут определить, не было бы ли еще большим злом, если бы при существующих условиях данной ненормальности не было?

И вот, когда мы вспоминаем историю последних десятилетий, мы видим, что вся умственная жизнь страны стояла в необходимой связи с пэдократией, с господством детей и притом так, что не будь этого господства, замерла бы духовная жизнь. Возьмите период 70-х годов, литературу, публицистику, "философию" того времени. Салтыков, Некрасов, Лавров, Успенский, Михайловский имели главную аудиторию в "детях", и притом аудиторию властную, требовавшую ответа и заражавшую своим настроением учителей. Не будь этого постоянно возбужденного, требовательного, беспокойного слоя, не бурли там тревожная мысль о справедливости, долге, о тяжком бремени, возложенном на слабые рамена "детей", - была бы ли общественная мысль? В 80-е годы "дети" затихли. Работала ли в это время общественная мысль? Мы имели за это время двух выдающихся эссеистов:

Короленко, который оставался в кругу мыслей и чувств, возбужденных детьми-семидесятниками, и Чехова, носившего явный отпечаток настроения, созданного теми, кто играл роль "детей" в восьмидесятые годы. Ни широких социологических обобщений, подобных работам Михайловского и Лаврова, ни яркой публицистики не было. Философия имела большого представителя во Вл. Соловьеве, который, правда, едва ли был создан властью детей, но который именно вследствие этого не имел большой школы. Пришли 90-е годы, первые годы XX века, а с ними своя "детская" литература, отражавшая тот бурлящий хаотический поток мыслей, который характеризовал настроение молодежи за это время. Эта "детская" литература нашла, однако, оценку во взрослых людях Запада, прославивших имена некоторых современных писателей.

Все это относится к видимым проявлениям духовной жизни общества. А все то, что не поддается такому, очевидному констатированию, то, что носит неопределенное название общественного настроения, - смутная тревога, желание разобраться в человеческих отношениях, недовольство сытым покоем, - все это разве не находится в тесной связи с тем, как ведут себя "дети"? Да, прав, несомненно прав г. Булгаков, когда говорит, что пэдократия - огромное зло; она - зло и по отношению к власти имущим, т.е. к детям, и по отношению к обществу, находящемуся под их властью. На слабые силы первых она возлагает непосильную работу, изнуряет, мучит, калечит их. Второе - она держит во власти часто незрелых идей, болезненно возбужденных стремлений, преходящих, даже "истерических" всплеск. Это - огромное зло, свидетельствующее о другом, более общем коренном зле, проникающем всю русскую жизнь. И присутствие этого последнего делает все существование до такой степени болезненным и мучительным, что даже "господство детей" в нашем прошлом мы должны приветствовать, ибо без него "заглохла бы нива жизни": ведь отцы-то молчали.

Мы знаем, во что превращается это господство в критические минуты общественной жизни: чувство реального совершенно теряется, неспособность в оценке окружающего достигает высших пределов, исчезает контроль над действиями, долгая, не начавшаяся приложения в действительности мечтательность создает воздушные замки или земной рай там, где на самом деле стоят тюремные замки или в лучшем случае красуется вывеска "Трактир Парадиз". Это - печально, это - страшно, это - то главным образом и испугало авторов сборника, но если не изменятся окружающие условия, если свойствами интеллигенции будут по-

прежнему "оторванность", "мечтательность" и т.д., то повторение недавнего неизбежно и "борьба идей", о которой мечтает г. Струве, дела не исправит.

Один из главных упреков, с которым авторы сборника обращаются к интеллигенции, заключается в том, что она "не придумала национальной проблемы". При своем космополитизме наша интеллигенция, конечно, сбрасывает с себя много трудностей, неизбежно возникающих при практической разработке национальных вопросов, но это покупается дорогой ценой омертвления целой стороны души, притом непосредственно обращенной к народу". Так говорит г. Булгаков и на этот раз, как нам кажется, совершенно несправедливо. "Омертвление одной стороны души"! Правда ли это? Правда ли, что свою оторванность интеллигент принимает с легким сердцем? Правда ли, что, делая себя мишенью для упреков в космополитизме, он позволяет умереть целой стороне своей души, притом стороне, "непосредственно обращенной к народу"? Правда ли, что в душе его, истерзавшейся от производимого окружающими смещения слов "отечество" и "ваше превосходительство" и протестующей против этого смещения своей обособленностью, нет мучительной, болезненной постоянной скорби "по тебе, святой, великий, невозвратный Илион"? Сумасшедший в гостинице "Белого Лебедя", зачисленный соотечественниками в безумцы за свою неприязнь к официальному патриотизму, восклицал: "Ах, Карл... дай мне отечество! Ведь я прошу немногого: дай мне только маленькое, крошечное отечество!" И о том же постоянно молил интеллигент, стремившийся найти связь между собой и отечеством, то делавший кумир из деревенской общины, то в отчаянии констатировавший непроходимую пропасть между собой и народом. Можно ли говорить об "омертвлении одной стороны души"? Это - не "омертвевшая", а живая, страшно болезненная, вечно мучающая, не дающая успокоиться рана. Весь "космополитизм" интеллигента заключается в том, что он желает видеть родину живущую по образу и подобию его интеллигентского идеала. Интеллигенция хотела видеть и нередко видела родину в лучезарном сиянии какого-то необыкновенного, недостижимого другим народам величия. Она с восторгом преклонялась в 70-х годах перед социальными "устоями" русского народа, видя в них осуществление идеалов "любовного и сердечного общежития". Еще так недавно, надеясь на особенные, неведомые другим народам традиции русского народа, она готовилась к тому, как благодаря своим исключительным свойствам он осуществит сразу то, что долгий труд и упорство еще не дали народам других стран. Это можно назвать само-

ослеплением, можно назвать еще хуже, но ни "омертвление" одной стороны души, "притом непосредственно обращенной к народу", ни "космополитизм" - выражения, не подходящие для такого состояния.

Г. Булгаков - человек глубоко верующий, и потому все упреки его вращаются около одного главного пункта: безверия интеллигенции. В этом безверии он видит не только огромный ущерб для собственного душевного уклада интеллигенции, но и ту стену, которая отделяет интеллигенцию от народа. Г. Гершензон идет дальше. Он уже говорит от имени народа. Он заявляет, что "бессознательная ненависть к интеллигенции превозмогает в нем (в народе) всякую корысть". Народ "не чувствует в нас (в интеллигентах) человеческой души". В "Истории одного города" учитель, допрошенный с пристрастием относительно того, искал ли он душу у лягушки, в конце концов сознался, будто искал и нашел, что у лягушки есть душа, но малая видом и не бессмертная. Не такую ли малую видом душу, по объяснению г. Гершензона, видит в интеллигенте народ? Но что же делать для уничтожения ненависти? Как уверить народ в существовании у нас человеческой, а не лягушечьей души? "Для этого нужно, чтобы при всей разности содержания и силы мысль образованных и мысль необразованных работали однородно, т.е. чтобы сознание образованных жило такою же существенною жизнью, как и сознание трудящейся массы, где физический труд и страдания напрягают всю душевную силу в упорной работе осмысления этой самой тяжелой жизни нравственными идеями и верою"... Уверен ли, однако, г. Гершензон, что если интеллигент приобретет нравственные идеи и веру, необходимые для того, чтобы его мысль работала однородно с мыслью необразованного человека, то народ перестанет его "бессознательно ненавидеть"? Прежде всего, как узнает народ о происшедшей перемене? Каким путем интеллигент даст ему понять, что работа их мыслей однородна? Позвольте привести одну выдержку из Щедрина: "Признаюсь, я никогда не мог читать без глубокого волнения газетных известий о том, что в такую-то, дескать, деревню явились неизвестные люди и начали с мужичками беседовать; но мужички, не теряя золотого времени, прикрутили им к лопаткам руки и отправили к станковому приставу... Зачем приходили неизвестные люди, о чем они разговаривали, - ничего не видно; достоверно только, что им закрутили руки, чтобы не терять золотого времени... Может быть, эти неизвестные отыскивали способ бороться с саранчой или с колорадским жучком и приходили в деревню затем, чтобы поделиться своим открытием с ее обитателями? Или, быть

может, они желали указать на какую-нибудь отрасль промышленности, которая могла бы с успехом привиться в этой местности? Или, наконец, просто хотели объяснить мужичкам, что такое Бог?.. "Уверен ли г. Гершензон, что если о происшедшей с ним перемене (допустим на минуту, что без изменения общих условий русской жизни такая перемена возможна) интеллигент станет повествовать народу, что ему не прикрутят руки к лопаткам? Каким путем, кроме подпольного, интеллигент может сблизиться с народом, показать ему, что "радостной душой с его душой сливаться будет впредь?" Не вспомнит ли г. Гершензон некоторых рассказов народников, описывающих, как "ненависть" исчезала, когда была возможность просто разговориться? Значит, опять-таки дело - в изменении условий сношения между собой русских обывателей, - в том изменении, к которому мы неизбежно возвращаемся.

Большинство авторов сборника стоит на иной точке зрения. Они упрекают интеллигенцию за ее утилитаризм, за то, что на условия жизни она обращала больше внимания, чем на выяснения отвлеченных истин. "Интеллигенцию не интересует вопрос, истинна или ложна, например, теория знания Маха; ее интересует лишь то, благоприятна или нет эта теория идее социализма, послужит ли она благу и интересам пролетариата", - с упреком говорит г. Бердяев. Нет ничего мудреного поэтому, что для перевоспитания интеллигенции рекомендуется изменить направление своего сознания. До сих пор интеллигенция направляла всю работу сознания, по выражению г. Гершензона, "вон из себя"; теперь она должна направить ее внутрь. "Деятельность сознания должна быть свободна от всякой предвзятости, от всякой инородной тенденции, навешенной внешними задачами жизни", - продолжает г. Гершензон. "Теперь интеллигенция должна уйти в свой внутренний мир", - говорит г. Кистяковский. Воспитание, о котором думает г. Струве, "верит не в устроение, а только в творчество, в положительную работу человека над самим собою, в борьбу его внутри себя во имя творческих задач..." и то же приблизительно говорят другие авторы.

Во имя чего же работа внутри себя? Конечно, не ради утилитарной цели, а ради "вселенской истины", которая выше, чем "благо народа". Ведь достаточно отравили нам жизнь интеллигенты тем предпочтением, которое они оказывали пользе перед абсолютной истиной. Пора и отдохнуть. Но

Неожиданно, негаданно,
Как зловещий запах ладана,

Предвещающий покойника, Словно бес из рукомыльника,

из "вселенской истины" образовалась самая простая, самая очевидная практическая польза. Все это, - и самосовершенствование, и углубление внутрь себя, и оживление мертвых сторон души, - все это необходимо, как сказала бы газета *Россия*, для практических мероприятий. Весь шум, поднятый в последнее время по вопросу о национализме, все старание привить интеллигенции "национальную идею", - что это, как не приглашение направить работу сознания "вон из себя"? Ибо национальная идея нужна не для постижения "вселенской истины", а для лучшего "устроения" русской жизни. Она нужна для того, чтобы сплотить вокруг себя группу лиц, которые действовали бы и противодействовали в практической жизни. Когда Толстой звал к самосовершенствованию, к углублению внутрь себя, он ставил своих приверженцев в положение одиночек, которые делали мир лучше только тем, что становились лучше сами. Националисты говорят: "Посмотри внутрь себя, прими нашу идею и, опоясав чресла свои мечом, рубись во славу родины". Разве и здесь "благо народа" не ставится "выше вселенской истины и добра?" Разве и здесь утилитарность не на первом плане?

А последствия? Интеллигентные прегрешения ведут, как говорит г. Булгаков, к резкому разделению партий: "Нация раскалывается надвое, и в бесплодной борьбе растрачиваются лучшие ее силы". Освобождает ли от этого "национальная идея", как ее понимают г. Струве и некоторые другие? Образовываются не два, а сорок два враждебных лагеря; уже теперь мы слышим возгласы о "державной" национальности, уже теперь противопоставляется другим национальностям "русский" в смысле, который мы не решимся назвать "истинно русским" только потому, что знаем, от кого идет противопоставление.

Итак, разобравшись в некоторых частях обвинительного акта, мы видим, почему несмотря на совершенную справедливость многих пунктов обвинения ко всему обвинительному акту мы не можем отнестись иначе, как отрицательно. Мы видим, во-первых, что, упрекая интеллигенцию в преследовании утилитарных целей, прокуроры (или большинство из них) начали свое обвинение главным образом потому, что практические действия интеллигенции оказались несостоятельными, т.е. были приведены в негодование не утилитарным направлением программы, а ее практической несостоятельностью. Мы видим, во-вторых, что, оставляя тот же упрек в преследовании утилитарных целей, про-

куроры только выдвигают новую программу, преследующую в свою очередь утилитарные цели.

О распылчатости самой программы, о существовании некоторых ее пунктов, - между прочим, и о самом главном для них, из которого вытекает обвинение интеллигенции в религиозном отщепенстве, - нам, вероятно, много еще придется говорить. Ведь "борьба идей", к которой призывает г. Струве, только начинается.

* * *

Мы опять около тех же вопросов о прегрешениях интеллигенции. Поводом является напечатанная в "Слове" статья г. Франка "Вехи" и их критики". Г. Франк, участвующий сам в сборнике "Вехи", понятно, не может быть доволен отрицательным отношением к сборнику. Он находит, что в критике статей, помещенных в "Вехах", сказался шовинизм, - не тот шовинизм, конечно, которым полны столбцы реакционных газет, а слепая влюбленность в интеллигенцию, отвращающаяся от истины и нападающая на тех, кто посмеет затронуть непогрешимость кумира. Автор статьи отмечает, что критики сборника, даже соглашаясь с приводимыми доводами, относятся к сборнику отрицательно по причинам, гораздо менее важным, чем те соображения, с которыми они выразили согласие.

"Характернее всего, - говорит он, - что оба критика мимоходом и как бы в виде побочного замечания выражают согласие по существу с мнением участников "Вех". Так, г. Философов категорически признает: "Да, на русской интеллигенции лежит много грехов", а г. Игнатов подтверждает "совершенную справедливость некоторых пунктов обвинения". Но... но дальше идет самое существенное для критиков "Вех". С точки зрения г. Философова, "все эти грехи забываются, когда видишь упомянутые уже злорачество и жестокость". И точно также г. Игнатов, несмотря на свое полное согласие с некоторыми пунктами обвинительного акта, не может ему сочувствовать, потому что его не удовлетворяют прокуроры.

Г. Франк находит, что вопрос о самих писателях должен быть совершенно устранен: "Пусть они плохие и грешные прокуроры, пусть они исполнены дьявольских чувств... Все это очень мало интересно и в конце-концов есть дело только их личной и писательской совести. Если они говорят неправду, покажите это; если же, как вы сами признаете, в их словах есть хотя бы доля правды, то эта правда важнее всего, и только о ней и стоит говорить".

Святая истина. Но если я признаю справедливость этих слов г. Франка, следует ли из этого, что весь его фельетон в "Слове" и

вся его статья в "Вехах" должны встретить мое сочувствие? Если я признаю "совершенную справедливость некоторых пунктов обвинения" против интеллигенции, то обязательно ли должен я сочувствовать всему обвинительному акту, основанному, по моему мнению, на неверной комбинации или неверных логических выводах из нескольких справедливых посылок?

Меня "не удовлетворяют прокуроры" интеллигенции? Совершенно верно: не удовлетворяют и даже очень. Но не потому, что они, сами интеллигенты, восстали на свою "мать", и не потому, что они "исполнены дьявольских чувств". Чем они были раньше, - просто ли интеллигентами, или к ним могли быть приложены различные разграничивающие клички, страдали ли они теми прегрешениями, в которых теперь обвиняют интеллигенцию, - это мы оставляем в стороне. Пусть прошлое останется прошлым. Оно может быть интересно со многих сторон, но в данный момент, по отношению к данному вопросу, нас интересует, отличается ли предлагаемое новыми проповедниками учение по своим целям и принципам от учения интеллигенции, на цели и принципы которой производится атака. И вот с этой-то точки зрения "прокуроры меня не удовлетворяют".

Интеллигенция, по мнению прокуроров, грешна тем, что практическую пользу поставила выше всего. Чем же, как не практической пользой, вызвана та проповедь, которая несется со страниц сборника "Вехи"? Плохо устроилась наша интеллигенция с "обновлением" России, пусть она позаимствует у народа веру и тогда справится легче, - вот в грубой форме (сознаюсь, в очень грубой) то заключение, которое выносишь из многих статей сборника. И если, вынеся такое заключение и слыша упреки, обращенные к интеллигенции относительно ее утилитарных целей, я спрашиваю: "А судьи кто?", - значит ли это, что "прокуроры меня не удовлетворяют", как личности? Я вижу основной дефект их программы, и это - несмотря на "совершенную справедливость некоторых пунктов обвинения", воздвигнутого ими против интеллигенции. Позвольте для иллюстрации напомнить рассказ Успенского "Большая совесть".

Бывший военный намеревался постричься в монахи. Уж и одежду подходящую стал носить, и волосы отрастил, и заговорил о своем дальнейшем желании "уединиться" и о том, сколько на его долю придется из "кружечного сбора". Но потом подвернулись какие-то обстоятельства, и монах стал колебаться и подумывать о гражданской или военной службе. "Хотя я люблю уединение, - говорил он, - но уединиться можно, и не надевая клобука, не загораживая себя каменными стенами... Бог везде... Да, наконец, ве-

лик ли наш кружечный сбор?" Возмущенные родные и покровители стали убеждать отступника. "Ну, что ты мог бы получить на железной дороге, о которой бес вложил тебе в ум? - писал ему настоятель. - Много, много, если ты получишь триста рублей, - но, заметь, на своих харчах! Дьявол настолько ослепил твой ум, что ты как бы совсем забыл о дороговизне жизненных припасов, тогда как, идя по духовной части, ты получишь помимо кружечного сбора..." и т.д. "Враг рода человеческого (писала ему родственница), которому, без сомнения, принадлежит все содеянное тобою свинства, настолько опутал тебя, что ты уж не в состоянии ясно видеть, что карьера твоя должна ограничиться заботой о душе, молитвой, ибо князь Сергей Андреевич, как тебе должно быть хорошо известно, умер два года за границей, а без него, ты очень хорошо знаешь, тебе нет протекции ни в армию, ни в штатскую службу. Молись и проси у Бога прощения, зная, что на железных дорогах все места заняты и нигде тебе не дадут ничего..."

Конечно, у авторов сборника "Вехи" нет того наивного лицемерия, которым проникнуты письма героев Успенского. Но их обвинения, направленные против утилитарных стремлений интеллигенции и соединенные с советами углубиться внутрь себя для того, чтобы сделать удачнее то практическое дело, которое не сумели сделать теперь, - ужасно напоминают цитированные письма. Наша интеллигенция оторвалась от народной религии, дьявол настолько ослепил ее ум, что ее характеризует "безрелигиозное отщепенство", и она сделала плохую революцию; пусть она молится, просит у Бога прощения и помнит, что, идя по этой части, она получит помимо кружечного сбора усиление производительных сил страны и т.д. Когда я встречаюсь с подобного рода рассуждением, то, даже вполне соглашаясь с тем, что на железных дорогах все места заняты, а кружечный сбор дает немало, могу ли не отнестись ко всему рассуждению иначе, как отрицательно? Если нашей интеллигенции надо вернуться к народным верованиям во имя истины, то делать это надо без всякой зависимости от того, что "революцию плохо делали" и что при помощи народной веры дело пойдет лучше. Или истина сама по себе, или практическая, чисто земная цель при помощи разных приемов, в числе которых, конечно, не может фигурировать бескорыстная любовь ко "вселенской истине". Можно понять проповедь и проникнуться убеждением в ее правдивости, когда она говорит: "Ты заблуждался, ты испытывал неудачи и был несчастен, - обрати свой взор к Небу, молись, - Бог - великий и милостивый отец. Он просветит твой ум, пошлет тебе мир и радость, и

ты увидишь, как мало заслуживают внимания твои земные скорби, как мрак тленного мира проникнется сиянием истины" и т.д., и т.д. Можно увлечься или нет этой проповедью, но нельзя в ней увидеть самоотрицания. И в то же время нельзя не видеть ничего кроме самоотрицания в рассуждении: "Ты несчастлив в земной доли, - молись, и Бог поможет тебе выиграть двести тысяч".

Вот почему критики "Вех", и я в том числе, мало останавливаются на обсуждении главной части положительной программы, представленной в сборнике. Эта главная часть заключается в призыве к проникновению основами народной религии или любовью ко вселенской истине, к абсолютным ценностям. Ибо в соприкосновении с этой основной мыслью мы увидим непременно напоминание о кружечном сборе, о смерти князя Сергея Андреевича и о невозможности без него получить протекцию ни в армию, ни в штатскую службу.

Обратимся, например, к статье г. Булгакова. "Христианское подвижничество, - говорит он, - есть непрерывный контроль, борьба с низкими, греховными сторонами своего я, аскеза духа... Христианский герой в своей деятельности видит прежде всего исполнение своего долга пред Богом, Божьей заповеди, к нему обращенной... Нужно "покаяться", т.е. пересмотреть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь в ее глубинах и изгибах, чтобы возродиться к новой жизни..." Все это понятно, это - проповедь религиозного человека, требующего подвига ради душевного спасения, вне земных выгод, вне требований внешнего благоустройства. Но когда рядом с христианской проповедью и как бы в оправдание ее и в логической связи с нею вы читаете: "Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной - для осуществления "реформ", экономической - для работы на пользу русского просвещения, церковной - для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии; новые люди, если дождетс их Россия, будут, конечно, искать и новых практических путей для своего служения и помимо существующих программ, и - я верю, - они откроются их самоотверженному исканию", - когда вы читаете такие строки, вы видите, что "вселенская истина" становится рабой практических целей, что между утилитарными стремлениями интеллигенции и практическими вождениями тех, кто утилитарность ставит интеллигенции в вину, большой разницы в этом отношении нет. Эту амальгаму душевного спасения, вселенской истины, абсолютных ценностей, практических целей, спасения в монастыре и кружечного сбора вы откросе не в одной только указанной статье.

равдывать... Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства..." и т.д.

Вот и определите из этой выдержки, что прежде должно быть: курица или яйцо, успокоение или реформы. Вся статья говорила ясно и убежденно, если не убедительно: сперва успокоение, главным образом успокоение, прежде всего успокоение. И вдруг: это "возрождение", "пробуждение" требует "политического освобождения", а до сих пор возрождения и пробуждения не было, потому что история влияла в удручающем смысле, т.е. внешние условия определяют внутренний строй души, - другими словами, главная основа интеллигентского мирозерцания справедлива. Хотя, конечно, "мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства..." Можете ли вы назвать ясными эти требования? Можете ли вы сказать, что здесь не сделана существенная уступка в пользу "примата общественных форм", сейчас же взятая обратно?

В предисловии к сборнику г. Гершензон говорит между прочим: "Мы не судим прошлого, потому, что нам ясна его историческая неизбежность..." Не стану доказывать, что большая часть книги является не только судом, но и осуждением прошлого. Меня сейчас интересует другое: если примат общественных форм признается для прошлого, почему он отрицается для будущего? Если душа интеллигента и его мировоззрение складывались вследствие неизбежного влияния исторических условий, то как предохранить душу и мировоззрение от такого же влияния в будущем? Нет ли и в этих словах г. Гершензона косвенного признания принципа: сперва реформы, потом успокоение?

А если так, то во что же превращается основной упрек, обращенный к интеллигенции, в преследовании утилитарных целей и в признании первенства общественных форм? Он разбит самими авторами обвинительного акта против интеллигенции (несмотря на упреки г. Франка, я не могу не видеть в книге "обвинительного акта"). И потому, соглашаясь со многими деталями этого акта, признавая "совершенную справедливость" некоторых обвинений, ко всему акту, повторяю, я не могу относиться иначе, как отрицательно.

Но далеко и не со всеми деталями можно согласиться. Так, например, не могу я согласиться с выводами г. Франка, связывающего непризнание интеллигенцией объективных ценностей с хулиганством и эксцессами во время революции. "Самое ужасное в этом факте, - говорит он, - именно в том и состоит, что нигилизм интеллигентской веры как бы сам невольно санкционирует преступность и хулиганство и дает им возможность рядиться в

мантию идейности и прогрессивности". Я очень хорошо вижу, что своим "как бы" автор желает смягчить резкость вывода, но от этого последний не становится менее несправедливым. Оглянитесь на историю мировоззрений, признававших объективные или абсолютные ценности, - какую массу преступлений и действительного отвратительнейшего "хулиганства" находите вы в ней, - преступлений, прилепленных к великой идее "рядившихся в мантию идейности", если не "прогрессивности". Что же, и эти преступления вы свяжете с основной идеей, из которой вытекает все мировоззрение и только для смягчения прибавите "как бы"? Сделаете ли вы Христа и заповедь "люби ближнего, как самого себя" ответственными за инквизицию, за ауго-да-фе, за современные погромы? Свяжете ли вы национальную идею (национальное достоинство, по утверждению г. Франка, есть объективная ценность, каковую он не признает благо народа), - свяжете ли вы национальную идею с теми хулиганствами, которые производятся "националистами" в некоторых странах? Ведь эта идея "как бы сама невольно санкционирует" отрицательное отношение к другим национальностям, а уж отсюда недалеко и до "преступности и хулиганства..."

Содержание

В.Б.Власова. Размышления на заданную тему.....	3
Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская. "Вехи" как опыт самоопределения русской интеллигенции.....	16
Н.М.Смирнова. Метаморфозы интеллигентского сознания и тоталитарный менталитет.....	39
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	51
А.Белый. Правда о русской интеллигенции (По поводу сборника "Вехи").....	52
П.А.Столыпин. Интеллигенты об интеллигентах.....	56
К.Арсеньев. Призыв к покаянию.....	58
В.Игнатъев. Интеллигенция на скамье подсудимых.....	69

Научное издание

НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ДУХА

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник *В.К.Кузнецов*
Корректор *Г.М.Азлюмина*

Лицензия ЛР №020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 27.10.94.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печл. 5,31. Уч.-издл. 5,31. Тираж 500 экз. Заказ № 068.

Оригинал-макет подготовлен к печати
в Институте философии РАН

Оператор *Т.Я.Кордюкова*
Программист *М.В.Лескинен*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волконка, 14